

ВСТУПЛЕНИЕ

Третий номер «Топонимического альманаха» открывает статья известного краеведа, автора нескольких книг об истории Невского района В. Ф. Андрейчевой. На сей раз речь пойдёт о районе Троицкого поля, знакомого автору не понаслышке — здесь она родилась и выросла. Читатель узнает много любопытных фактов, связанных с этим районом.

Статья известного специалиста в области Петербургской топонимики А. Г. Владимировича посвящена статусным частям топонимов Санкт-Петербурга — их определению, истории и классификации. Практика работы Комиссии показала, что эта проблема по-прежнему остаётся весьма актуальной. Автор серьёзно переработал свою статью, опубликованную в 2001 году, и существенно дополнил её, приняв во внимание изменения, произошедшие в городской топонимии за последние пятнадцать лет, и включив ещё более десятка статусных частей, в том числе статусные части объектов зелёных насаждений.

Очерк журналиста Д. С. Ратникова, много пишущего на топонимические темы, подводит итоги интернет-опроса по выявлению самых странных, смешных и нелепых топонимов в нашем городе.

Далее следует статья наших постоянных авторов Е. П. Сизёнова и Г. Г. Мартынова, посвящённая топонимии верхнего течения реки Мги — истории названий расположенных вдоль неё населённых пунктов и речек, в неё впадающих. Кроме того, авторы разоблачают популярные мифы о происхождении некоторых названий. Это лишь первая часть фундаментального исследования топонимии этих мест.

В продолжение заявленной в предыдущем номере темы Великой Победы мы печатаем работу новгородского филолога Т. В. Шмелёвой, посвящённую неоднозначной истории увековечения имён героев войны в названиях улиц Великого Новгорода, и исследование Д. В. Петрова, восстановившего по недавно рассекреченным архивным материалам неизвестные ранее подробности возвращения в 1944 году исторических имён Павловску и Гатчине.

Статья члена Топонимической комиссии А. Б. Рыжкова раскрывает некоторые проблемы, связанные с применением названий на практике.

В этом выпуске альманаха появились две новые рубрики: «Книжный компас», где будут публиковаться рецензии на недавно вышедшую краеведческую и топонимическую литературу, а также «Из писем в Топонимическую комиссию».

Мы надеемся, что каждый, кому небезразличны топонимика и история нашего города, найдёт в нашем журнале что-то интересное для себя.

В. Ф. Андрейчева

ТРОИЦКОЕ ПОЛЕ

В юго-восточной части Санкт-Петербурга, в Невском районе, сохранились два неофициальных, но по-прежнему широко распространённых в обиходе топонима, выделяющихся среди привычных городских наименований — Белевское поле и Троицкое поле. В этих названиях до сих пор отражается историческая память о том, что когда-то здешняя местность была усадебной и сельской. Сейчас территория обоих «полей» почти целиком поглощена современной промышленной и жилой застройкой, но и среди неё по-прежнему можно видеть постройки, сохранившиеся с тех далёких времён.

Своё название Троицкое поле получило по церкви Святой Троицы села Александровского (современный адрес: проспект Обуховской Обороны, 235)¹.

Этот замечательно сохранившийся храм построен одним из владельцев имения Александровского, князем Александром Алексеевичем Вяземским², предположительно по проекту архитектора Николая Александровича Львова, известного своеобразными проектами. За свои формы (основной объём — в виде ротонды, отдельно стоящая колокольня — в виде пирамиды) церковь получила народное наименование «Кулич и Пасха».

Строительство храма началось в 1785 г. и завершилось спустя два года, но освятили его только в 1790 г.³ Очевидно, такая задержка произошла из-за войны со Швецией 1788–1790 гг.

Относящихся к церкви документов ранее 1800 г., насколько известно, до сих пор не обнаружено. Однако известно, что деньги на её возведение дала сама Екатерина II — и не случайно, ведь А. А. Вяземский считался одним из её ближайших сподвижников. Хотя, может быть, истинная причина здесь в ином: не пожелала ли императрица отметить таким образом место, где некоторое время в семье В. Г. Шкурина (прежнего владельца этого имения, называвшегося Кайкуши)⁴ воспитывался её незаконнорождённый сын, будущий граф Бобринский?⁵ Другими событиями государственной важности эта усадьба, кажется, не отмечена.

Царский подарок увековечен в надписях над боковыми входами Троицкого храма: «В память твоих щедрот Е II» и «Твои щедроты соорудили Е II». Раньше

¹ Большая Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имён / Под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2015 (далее: БТЭ). С. 615.

² Подробнее см.: Андрейчева В. Ф. Александровское. Мурзинка. Фарфоровый завод: Забытое об известном. СПб., 2012.

³ Храмы Невской Заставы, утраченные и сохранившиеся. СПб., 2003. С. 12.

⁴ Приобретя имение Кайкуши, князь Александр Алексеевич Вяземский переименовал его в честь самого себя в Александровское.

⁵ Незаконнорождённый сын Екатерины II от графа Григория Орлова до семи лет воспитывался в семье её бывшего камердинера Василия Григорьевича Шкурина в имении Кайкуши, возможно, с этой целью ему и пожалованном.

над главным входом, который сейчас закрыт поздней входной пристройкой, была ещё одна надпись: «Здесь благословятся благодетельные мне в роды и роды»⁶.

Джакомо Кваренги, приехавший в Россию в 1780 г., восхищался многим из того, что уже было построено в Петербурге и его окрестностях, учился на этих прекрасных образцах архитектуры и зарисовывал их. Сохранился и его рисунок Троицкой церкви села Александровского, сделанный в 1790-х гг. Отметим, что ансамбль из ротонды и пирамиды на этом изображении выглядит высоким и стройным, но... осадка и выросший более чем за два века «культурный слой» сделали своё дело. Сейчас в окружении современных маловыразительных строений ансамбль воспринимается гораздо более приземистым, хотя и не лишился своего очарования.

На рисунке Д. Кваренги есть ещё одно здание — вероятно, это дом причта. Когда именно оно исчезло — пока неизвестно. Впрочем, недавно похожая постройка появилась в ограде храма со стороны улицы Грибакиных.

Троицкая церковь («Кулич и Пасха») в селе Александровском близ Петербурга. Рисунок Дж. Кваренги. Музей Сфорцеско в Милане, коллекция чертежей Бертарелли

⁶ Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1994. С. 75.

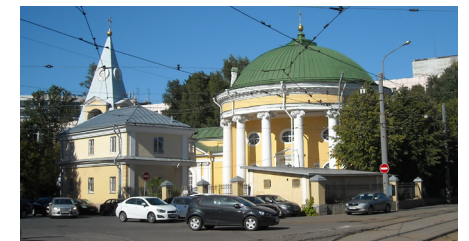
⁷ Никулина Н. И. Николай Львов. Л., 1971. С. 82–83.

⁸ См.: План дачи Александровской вдовы баронессы Шарлотты Ивановны фон Данкеншвейль, 1825 г. // Андрейчева В. Ф. Указ. соч. С. 44; то же: Андрейчева В. Ф. Улица Грибакиных: метаморфозы названий // НТЖ. 2014. № 1. С. 76.

Помимо оригинальной формы храм «Кулич и Пасха» был замечателен воздушными печами, также изобретёнными Николаем Львовым. Благодаря специальным каналам, встроенным в их толщу для проведения воздуха с улицы, они не только хорошо обогревали, но и проветривали помещение. Такие же печи находились в муринской церкви Святой Екатерины, также построенной Н. А. Львовым, и в усадебном доме Олениных в Приютино. К сожалению, к настоящему времени эти замечательные сооружения уже давно везде утрачены. Остались только львовские чертежи⁷.

На старинных планах начиная с 1798 г. обозначен прямой путь от Троицкой церкви, стоящей на Шлиссельбургском тракте, к Большой Московской дороге. На планах начала XIX в. он называется проспектом и по направлению совпадает с нынешней улицей Грибакиных, до 1952 г. называвшейся Трамвайным переулком, а ещё раньше, до 1935 г. — Троицкой улицей⁸.

По обе стороны от «проспекта», проходящего через всю территорию Александровского с северо-востока на юго-запад,

Современный вид Троицкой церкви со стороны улицы Грибакиных. Фото автора. 2015

на картах видны протянувшиеся вдаль поля и луга.

Последний местный помещик Алексей Васильевич Каменский в конце XIX в. размежевал свои земли с землями крестьянской общины села Александровского, которая получила территорию по левую сторону Троицкой улицы, почти по всей её длине — от Троицкой церкви до современной Запорожской улицы. Вся эта площадь была разбита на узкие и длинные участки и распределена между крестьянами. Каждый хозяин на своём участке строил дом, за ним в глубине находились хозяйственные постройки, ещё дальше, как правило — небольшой сад, огород и полоса земли, засевавшаяся какой-либо зерновой культурой (овсом, рожью и т. п.). Вот эти-то полосы, занятые зерновыми, в совокупности и назывались *Троицким полем*. Сейчас данная территория локализуется Рабфаковской улицей и тремя Рабфаковскими переулками⁹.

Современный кирпичный пятиэтажный дом по адресу: 2-й Рабфаковский переулок, 2, стоит на полосе земли, принадлежавшей моему деду, Ивану Яковлевичу Кручинину (1870–1932), к которому мы ещё вернёмся.

Часть Троицкого поля у границы Александровского с Мурзинкой с давних времён была отведена под приходское кладбище Троицкой церкви села Александровского.

Захоронения здесь начались, вероятно, в 1790 г., непосредственно после освящения Троицкой церкви. Однако ещё довольно долго (лет 30–40) более предпочтительным для местного на-

Александровское. Фрагмент топографической карты «Окружности Санкт-Петербурга». 1817

селения оставалось близлежащее Фарфоровское кладбище — и по близости к праху предков, и по своему статусу. Если хоронить предполагалось на нём, то умирающих прихожан всё равно приобщал «святых тайн» священник Троицкого храма, о чём делалась запись в церковной метрической книге. Запись о смерти и месте погребения вносилась также и в метрическую книгу Преображенской церкви Фарфоровского кладбища, в 1930-е гг. полностью уничтоженного.

На приведённом фрагменте карты 1817 г. кладбище при Троицкой церкви ещё не обозначено, но на упомянутом плане дачи Александровской баронессы Венкер фон Данкеншвейль 1825 г. некрополь на Троицком поле занимает уже немало места, правда, имеет неправильную форму — видимо, потому что первоначально развивался стихийно. Позже его территории была придана форма ромба, устроены сточные каналы, проложены дорожки, обустроена

⁹ В советское время дореволюционное «состояние» этой местности было принято описывать следующим образом: «В прошлом Троицкое поле было обширной пустынной площадью» (см.: Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? 2-е изд., испр. и доп. Л., 1975. С. 456).

дорога, ведущая к нему от Шлиссельбургского тракта¹⁰.

В середине XIX в. перед входом на кладбище появилась часовня со сторожкой¹¹. В архивном деле есть план некрополя с дорогой, ведущей сюда от Шлиссельбургского тракта, а также план и разрез часовни со сторожкой. Среди документов, составляющих переписку по поводу этого проекта, выделяются такие записи: «Проект этой постройки всеподданнейше подношу на Высочайшее Вашего Императорского Величества благоусмотрение» и «Представленный при сём фасад Высочайше утверждён»¹². Таким образом, проект часовни был завизирован самим императором Николаем I.

В 1911 г. часовню перестраивают в церковь Успения Пресвятой Богородицы (проект гражданского инженера С. И. Андреева)¹³ и приписывают к Троицкой церкви села Александровского. Поэтому кладбище стало называться в народе Успенским.

С 1925 г. по заявлению группы жителей Мурзинки кладбищенская церковь становится приходской¹⁴. Свою просьбу об образовании самостоятельного прихода они обосновали территориальной отдалённостью от Троицкого храма и неудовлетворительным, по их мнению, распределением доходов в прежнем приходе. В апреле 1940 г. Успенская церковь,

как и многие другие в те времена, была закрыта¹⁵. Документов, когда именно она была снесена (скорее всего, это произошло уже после войны), обнаружить не удалось, так же как и разыскать людей, которые помнили бы это событие.

К началу XX в. некрополь был уже переполнен, и прихожан Троицкой церкви стали хоронить на городском Преображенском православном кладбище, образованном в 1872 г. у железнодорожной станции Обухово.

Успенское кладбище было, конечно, рядовым, однако здесь нашли последнее упокоение некоторые известные люди: «юродивый Дмитрий-гробокопатель, который много лет бесплатно копал для бедных могилы и пользовался почитанием в народе»¹⁶, генерал-лейтенант барон Константин Антонович Шлиппенбах — помещик села

Группа прихожан перед Успенской церковью. Фото из семейного архива автора. 1926

¹⁰ Атлас реки Невы от Санкт-Петербурга до Ладозского озера. СПб., 1864. Л. 6 (воспроизведение см.: Андрейчева В. Ф. Указ. соч. С. 49).

¹¹ РГИА. Ф. 218. Оп. 3. Д. 718 (По прошению Нафанаила, епископа Ревельского, о постройке часовни на кладбище, принадлежащем к церкви Императорской мануфактуры. 1846).

¹² Там же. Л. 7.

¹³ Храмы Невской Заставы. С. 65–66.

¹⁴ Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга: Историко-церковная энциклопедия. Т. 3. СПб., 1996. С. 165.

¹⁵ Макаревич Т. Дело было в Мурзинке // Санкт-Петербургские ведомости. 2010. 29 октября.

¹⁶ Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч.

Александровского¹⁷, генерал-майор Василий Иванович Колчак¹⁸ — отец адмирала Александра Колчака, и другие.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. деревья на кладбище вырубали, деревянные дома вокруг него по большей части разобрали на дрова. Выжившие во время блокады местные жители уже не могли, увы, уделять должное внимание старым могилам. Очень скоро некрополь принял совершенно заброшенный вид, обратившись в пустырь с редкими, покосившимися могильными плитами. Помню, как в начале 1950-х гг. мы, дети, с интересом бродили по этому пустырю, читая полустёртые надписи на вросших в землю камнях.

Жилая застройка началась здесь в конце 1950-х гг. На месте бывших захоронений поставили пятиэтажки — «хрущёвки». Безусловно, тогда против этого строительства никто не протестовал, а в новых домах поселились люди из самых различных мест. Многие из них до недавнего времени даже не подозревали, что живут «на костях».

В 2011 г. усилиями группы инициативных лиц, во главе которой встала местная жительница Тамара Петровна Макаревич, на территории бывшего Успенского кладбища был установлен и освящён поклонный крест.

Установка этого памятного знака самым благоприятным образом отразилась на местных жителях. Благодаря их усилиям вокруг него появилась оградка, разбит и постоянно расширяется боль-

Освящение поклонного креста на месте бывшего Успенского кладбища. Фото автора. 28 августа 2011 г.

шой цветник. Многие прохожие подходят к кресту для того, чтобы прочитать надписи на памятных плитах и несколько минут постоять здесь в молчании...

Обратимся к истории послереволюционной застройки Троицкого поля. Вскоре после 1917 г., как известно, частная собственность на землю была отменена, недвижимость — экспроприирована. Тем не менее в условиях послереволюционной и послевоенной разрухи справиться с содержанием жилищного фонда только государственными средствами новая власть не могла.

В моём домашнем архиве сохранился акт от 27 февраля 1929 г., согласно которому мой дед И. Я. Кручинин снова принял в своё ведение национализированный когда-то его собственный дом, который простоял до 1970 г.¹⁹

В 1929 г. завод «Большевик» начал возведение на Троицком поле социалистического городка. Вот как описывалось

это строительство в одном из номеров заводской многотиражки: «Многим рабочим завода известен этот участок. <...> жалкий, частью заболоченный пустырь, на котором по-настоящему даже трава не растёт, окружённый со всех сторон не менее жалкими рабочими хибарками, и в центре его, царящий над пустырём, очаг средневекового мракобесия — усадьба Чурикова²⁰, в качестве символа культурной и бытовой отсталости...».

И далее: «Волею рабочих нашего завода этот участок, площадью в 25 гектаров, через пять лет должен обратиться в социалистический городок нашего завода с 10.000 жителей.

Весь участок имеет форму треугольника. Он будет окружён со всех сторон парком-сквером шириной 100–150 м, чтобы рабочее жилище целиком изолировать от заводского шума, смрада и копоти.

В кольце этих скверов-парков расположится заводской город-сад, состоящий из сорока восьми четырёх- и пятиэтажных домов, где живут до 4.000 рабочих завода и до 6.000 членов их семейств.

Жилища будут далеко не одинаковы, как по их внутренней планировке, так и по характеру бытовой и культурной организации живущих в них рабочих».

Следом под заголовком «Квартиры-коммуны, города-коммуны»: «На участке № 1 — дома почти той же формы и кубатуры, что и дома на других участках, но какая разница в их внутренней планировке! Здесь будут преобладать отдельные, оборудованные центральным отоплением, водопроводом, канализацией, душами, вентиляцией, электрическим освещением, хорошо ориентированные в смысле солнечного освещения маленькие квартиры. Эти дома начинаются постройкой в 1931 году. Но остальные

дома будут носить яркий характер коллективных форм быта. Преобладает квартира-коммуна, вытесняющая квартиру одиночника и перерастающая в дом-коммуну, в город-коммуну. Поэтому на плане участка, кроме зданий, занятых непосредственно жилищами, мы видим огромное количество сооружений общественного пользования.

В узкой части участка (участок № 9) поместится «больничный городок». Это не обычная больница с койками, серыми одеялами и запахом хлороформа — это сложный комплекс профилактических, лечебных и санитарно-просветительных учреждений.

По оси участка, ближе к проспекту, расположится «Универсальный магазин», рассчитанный на удовлетворение всех потребностей населения городка. Дальше, в центре участка, разместится центр всей общественной жизни городка — Дом культуры (участок № 5).

Здесь будет колоссальный зрительный зал, огромнейшая, рассчитанная почти на всё население столовая, клуб, стадион и различные учреждения для занятий физкультуры, поскольку последняя в новом быту будет играть важнейшую роль».

Далее под заголовком «Социалистическую культуру — городу-коммуне»: «Наконец в широкой части участка расположится школа, детский дом, детские ясли и детская площадка (участок № 2).

Крупное место, предоставленное в проектируемом городке детским учреждениям, предусматривает полную реконструкцию быта и главным образом полное раскрепощение женщины. Детский дом, запроектированный на плане, это не «ситовский дом», как до сего времени многие понимают существующие детские

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 298 (Метрическая книга Троицкой церкви 1859 г.). Л. 369 об. Запись 18м.

¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1565 (Метрическая книга церкви Императорской Николаевской военной академии 1913 г.). Л. 94.

¹⁹ Фотографию дома (1959), построенного И. Я. Кручинины, см.: Андрейчева В. Ф. Указ. соч. С. 72.

²⁰ Ниже мы ещё скажем о нём.

дома — это новая общественная форма совместного воспитания детей всеми живущими в городке, под руководством специалистов.

В этом городке рабочий не будет знать докучной заботы о дровах, — мощная теплоцентраль, вынесенная за пределы зелёной полосы (парка-сквера), несёт тепло всему городу (у железнодорожной ветки против 6 участка). Там же, за пределами парка, нашла себе место баня и механическая прачечная, окончательно освобождающая женщину от бытового рабства».

И наконец, под заголовком «Пояснительная записка к проекту»: «Участок, отводимый под жилстроительство завода «Большевик», будет ограничен с трёх сторон магистралями районного значения, из коих две расширяются до 35–40 метров ширины и будут представлять в общей схеме планировки данного района основные пути сообщения участка с заводом. Третья, вновь проектируемая улица, отделяет отводимый участок от жилстроительства Откомхоза. В виде близости двух веток Октябрьской железной дороги, проходящих параллельно основным улицам квартала, планировкой предусматривается отбивка широких защитных зон вдоль улиц. Отводимый под застройку жилой клин включает в себе 22,7 гектара»²¹.

Для того чтобы осуществить подобный масштабный проект, архитекторами которого выступили Г. А. Симонов и Т. Д. Каценеленбоген, требовались соответствующее финансирование, значительное число согласований с различными организациями и достаточное количество дефицитных строительных материалов.

Очевидно, поэтому в описанном виде осуществить его так и не удалось. Всего до 1941 г. на Троицком поле появились три жилых комплекса, состоявшие из отдельных домов.

Упомянутая выше первая очередь жилмассива (1926–1928) вблизи Успенского кладбища получила название 1-й городок. Причём будущие новосёлы вкладывали в его строительство собственные деньги и свой личный труд. Среди пайщиков-строителей были мои родственники Людовы, ставшие здесь владельцами одной из отдельных квартир. Но были те квартиры без ванных или душевых комнат, с небольшими кухнями. Во время войны Людовы эвакуировались, а вернувшись, оказались уже в квартире коммунальной — так изменился её статус из-за блокадной разрухи.

Напомню, что кладбище на Троицком поле в 1930-е гг. ещё существовало и служило зелёной зоной для жителей новых кварталов.

После того как в 1976 г. проезды на Троицком поле стали называться Рабфаковской улицей и Рабфаковскими переулками²², четыре дома 1-го городка получили номера по 1-му Рабфаковскому переулку: № 5, 7 и 9, корпуса 1 и 2. При этом нумерацию квартир менять не стали, так что, например, в доме № 9, корпус 2, она начинается с квартиры 91, а в доме № 5 — с квартиры 126.

Второй комплекс на Троицком поле был выстроен также в виде четырёхугольника, но неправильного. Фасады этих зданий менее выразительны, чем в 1-м городке (современный адрес: улица Бабушкина, 133–135).

В третьем комплексе четыре дома расположены перпендикулярно пятому

(прежний адрес: Троицкое поле, 1–5, современные адреса: Рабфаковская улица, 3, корпуса 1, 2 и 3, 1-й Рабфаковский переулок, 11).

Кроме того, в стороне от названных комплексов были построены ещё два дома, стоящих на одной линии, которые местные жители в просторечии называли «домами на полях». Их фасады имели несколько более оригинальную архитектуру (современные адреса: 2-й Рабфаковский переулок, 1, корпус 1, и 5, корпус 1).

Для детей жителей Троицкого поля построили школу № 332 (прежний адрес: Троицкое поле, 9). Конечно, был при ней и стадион. Сейчас ничего этого нет — всю территорию, которую они занимали, поглотил огромный жилой дом-«новодел» (современный адрес: 1-й Рабфаковский переулок, 3).

Школа № 332 была построена по типовому проекту, созданному архитектором Н. А. Троцким в сотрудничестве с А. С. Мартыновым. Таких зданий в разных районах Ленинграда появилось около двадцати²³.

Выше, в цитате из заводской многоэтажки «Большевик», упоминался «очаг средневекового мракобесия — усадьба Чу-

«Дом на полях». Современный адрес: 2-й Рабфаковский переулок, 1, корпус 1. Источник: кн.: М. Розанов. Обуховцы. Л., 1938

рикова». Разумеется, необходимо сказать и о ней, тем более что сам бывший «молитвенный дом» до сих пор существует, хотя и в реконструированном виде.

Иван Алексеевич Чуриков, более известный, как Братец Иоанн или Иоанн Самарский (1861–1933), был самарским купцом. В 1889 г. после того как жена его лишилась рассудка, а торговля обернулась разорением, он изменил свою жизнь. Распродав остатки имущества, а вырученные деньги раздав нищим, И. А. Чуриков отправился в Петербург проповедовать трезвость и борьбу с пьянством. Вероятно, своеобразной предпосылкой к этому послужили религиозные собрания поволжских крестьян в праздничные дни («беседы»), в которых он участвовал в детстве и юности. Некоторое время новоявленный «проповедник» был близок с последователями Иоанна Кронштадского, но вскоре их пути разошлись.

В своих «проповедях-беседах» И. А. Чуриков призывал людей к соединению в общины, к совместному ведению хозяйства, к широкой имущественной взаимопомощи и к полной трезвости. Весьма скоро он стал известен, и у него появилось большое число приверженцев. Однако с официальной Православной церковью отношения у Чурикова складывались отнюдь непросто — его признали сектантом, так как он запретил своим последователям причащаться, поскольку в этом ритуале используется вино. В результате он неоднократно подвергался арестам, но, освободившись, продолжал свои проповеди с новой силой.

В 1905 г. И. А. Чуриков создал в Вырице колонию «христиан-трезвенников». Хорошо организованное товарное хозяйство стало приносить солидную прибыль.

²¹ Заводская газета «Большевик». 1931. 6 июля.

²² БТЭ. С. 371.

²³ Зодчие Санкт-Петербурга: XX век / Сост. В. Г. Исаченко. СПб., 2000. С. 262.

Дом И. А. Чурикова (Братца Иванушки) до ремонта. Фотография И. Антонова. 2010

Дом И. А. Чурикова после ремонта и реставрации. Фотография автора. 2015

Двухэтажный «Молитвенный дом брата Ивана Чурикова» был построен около станции Обухово — на рабочей окраине близости от многочисленных фабрик и заводов Невской Заставы.

После 1917 г. новая власть поначалу не препятствовала его деятельности, но в 1927 г. начались первые аресты. В январе 1928 г. дом был закрыт и опечатан милицией; большая группа последователей арестована. Самого Ивана Чурикова арестовали 19 апреля 1929 г. По официальным данным, он скончался 8 октября 1933 г. Место его захоронения неизвестно²⁴.

В доме Чурикова был большой зал для собраний, композиционно выделенный в объёме здания. Местные жители до недавнего времени продолжали называть это строение «домом брата Иванушки». На моей памяти здесь находилось общежитие, а потом оно долго стояло пустым, постепенно разрушаясь. В 2007 г. дом восстановили под бизнес-центр (современный адрес: 3-й Рабфаковский переулок, 5, корпус 4а).

Своеобразной памятью об И. А. Чурикове и его последователях стал Дом ночного пребывания лиц без определённого места жительства и занятий

на Троицком поле (современный адрес: 3-й Рабфаковский переулок, 5, корпус 2, литера Б) — один из немногих в городе современных приютов для бездомных.

А что думают о Троицком поле его нынешние жители?

Так, на Интернет-форуме один из них пишет: *«Отвратительный район. Снести бы там всё и застроить заново. Так опять градозащитники в этом гадюшнике что-нибудь выявят»*. Другой житель не столь пессимистичен: *«...с самого рождения и по сей день (а это уже 22 года) живу здесь. Да, с виду тут всё страшно, но если логически размышлять, то до метро пешочком, на КАД в любую сторону, до центра 20 минут»*.

На самом деле надо признать, что Большой Обуховский мост (чаще называемый за свою конструкцию просто Вантовым) с развязкой и эстакадой Кольцевой автомобильной дороги, очень удобный с точки зрения автомобилистов, сильно повредил району. Столь эффектный издали, вблизи, с уровня земли, мост производит гнетущее впечатление своей нелепой грандиозностью, вряд ли уместной среди уже давно сложившейся городской застройки Троицкого поля, какой бы она ни была.

²⁴ Ефимов И. Самарский «апостол трезвости» // Самара и губерния: Областной журнал. www.sgubern.ru/journal/article.php?AID=5638&ID=4346.

А. Г. Владимирович

СТАТУСНЫЕ ЧАСТИ ТОПОНИМОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Статусная часть обозначает определённый признак проезда, его масштаб, качество, роль в городской среде, причём её наличие у топонима не всегда обязательно. Реестр названий объектов городской среды, утверждённый постановлением Правительства Санкт-Петербурга № 117 от 6 февраля 2006 г., устанавливает список статусных частей петербургских топонимов, место статусной части в составе топонима, правила её написания и сокращения.

Анализ петербургской топонимии за три века её существования позволяет расширить состав статусных частей топонимов, включив в него не применяющиеся ныне, но существовавшие на разных этапах становления топонимии нашего города, выявить происхождение отдельных статусных частей и дать им более или менее точные определения.

Использование топонима как составной части предложения в устной или письменной речи подчиняется всем правилам русского языка, в частности, определяющим соотношение определения и определяемого слова, порядок слов в предложении и т. д. С этой точки зрения статусная часть топонима должна рассматриваться как определяемое слово, тогда как прочие части топонима — как определение. Поэтому для петербургских топонимов существуют следующие два способа взаимного расположения статусной и основной частей топонима:

а) статусная часть ставится перед основной, если последняя представляет собой:

- слово или группу слов в именительном падеже, если это слово или главное слово группы является существительным (ул. Клин, ул. Морские Дубки);

- слово или группу слов в родительном падеже (пер. Крылова, пл. Пролетарской Диктатуры, пр. Обуховской Обороны);
- группу слов, управляемую предлогом (дор. на Каменку);

а) статусная часть ставится после основной, если последняя представляет собой:

- полное прилагательное или группу прилагательных в именительном падеже (Манежная пл., Полевая Сабировская ул.);
- краткое притяжательное прилагательное в именительном падеже (Замшина ул., Репищева ул., Рюхина ул.). Если краткое притяжательное прилагательное совпадает по форме с родительным падежом исходного слова, то применяется следующее правило: статусная часть пишется перед основной, если последняя образована от фамилии домо- или землевладельца (Остоумова ул.), названия местности (Клочков пер.) и перед основной частью в остальных случаях, в частности, если основная часть образована от фамилии (имени, отчества, прозвища), названия группы людей,

события либо абстрактного понятия (ул. Радищева, пл. Александра Невского, пер. Ильича, пр. Энергетиков, пл. Победы, ул. Доблести), а также от названия другого городского объекта (наб. р. Фонтанки, пл. Балтийского вокзала). Статусные части *деревня, посёлок, совхоз, станция* пишутся перед основной частью (за исключением топонимов «Станционный посёлок», «Фабричный посёлок»).

В названиях объектов зелёных насаждений основная часть иногда может распадаться на два фрагмента, один из которых в соответствии с изложенными выше правилами пишется перед статусной частью, а второй — после (Московский парк Победы, Ботанический сад Университета). Порядковый номер и поясняющее слово всегда пишутся перед статусной частью (2-й проезд 1-й Конной Лахты, Левый берег р. Ижоры).

СТАТУСНЫЕ ЧАСТИ ТОПОНИМОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Аллея (от фр. *allee* — узкий проход) — проход или проезд в садово-парковой зоне или, если брать шире, — проезд, обсаженный деревьями. В садах и парках аллей существовали практически с основания города, но вне садово-парковых зон первая аллея — *Леонтьевская* (ныне *аллея Смольного*) — появилась в 1864 г. Вне садов и парков слово используется нерегулярно, за исключением *Каменного острова*, первоначально развивавшегося как парковая зона.

Бассейн (от фр. *bassin* — водоём) — искусственный водоём правильной формы и значительных размеров. С конца XIX в. слово используется в более узком смысле — для водоёмов, предназначенных для стоянки судов, как синоним к слову *гавань*.

Берег — проезд, проходящий по берегу водоёма, то же, что *набережная*. В настоящее время в Петербурге имеется один топоним с этой статусной частью — *Левый берег р. Ижоры* в Колпине.

Бульвар (от фр. *boulevard* — городской вал, восходящего к нем. *Bollwerk* — бастион) — проезд с широкой зелёной полосой посередине. Первый бульвар в Петербурге, имевший собственное название, — *Адмиралтейский* (ныне *Адмиралтейский проезд*) — появился в 1838 г. Слово используется крайне нерегулярно, в последнее время даже для проездов, фактически бульварами не являющихся (например, *Поэтический бульвар*).

Вал — проезд, проходящий вдоль или на месте насыпи, ограничивающей населённый пункт или его часть. Единственный вал в Петербурге — *Старопутиловский* (с 1880-х гг.).

Ветка — проезд, проходящий вдоль железнодорожной ветки. За всё время существования Петербурга в городе имелись две ветки: *Обуховская* (конец XIX в. — 1960-е гг.) и *Гречухинская* (1912–1964).

Водохранилище — искусственный водоём, созданный для накопления и хранения воды. Слово используется со второй половины XVIII в. **В настоящее время** в Петербурге имеются три водохранилища: *Кузьминское, Пулковское и Охтинский Разлив*.

Въезд — небольшой проезд, ведущий в какое-либо здание или сооружение. Единственный въезд в Петербурге — *Въезд на виадук* (1950-е гг. — 1964).

Гавань (от голл. *haven*) — естественный или искусственный водоём, используемый для стоянки судов. Слово применяется с момента основания Петербурга. В документах 1-й половины XVIII в. **в качестве синонима использовалось слово эллинг** (от голл. *helling*), основное значение которого — сооружение для строительства судов.

Горка — группа домов, находящихся на небольшой возвышенности. Единственная горка в Петербурге — *Больничная горка* в Стрельне (с 1920-х гг.).

Городок — небольшой район, примыкающий к предприятию либо воинской части. Как статусная часть используется с конца XIX в. **См. также жилгородок**.

Дача. В XVIII в. — **помещичья усадьба, построенная на земле, полученной от государства**, позже — любая загородная усадьба, а также группа домов, примыкающая к этой усадьбе. В XX в. **слово как статусная часть постепенно выходило из употребления**; последняя дача в Петербурге — *Долгорукова* — упразднена в 2007 г. (название в форме «Дача Долгорукова» сохраняется в наименовании железнодорожной станции).

Деревня — старинное русское слово, означающее небольшой населённый пункт, обычно содержащий всего одну улицу. По мере включения в городскую застройку многие деревни были преобразованы в **улицы** (иногда в **переулки**) либо разделены на отдельные проезды. В районах, населённых финнами, этой статусной части соответствовало слово *kylä*.

Дорога — старинное русское слово, означающее проезд, ведущий за пределы населённого пункта либо проходящий вне его. По мере благоустройства и включения в городскую застройку многие дороги были преобразованы в **шоссе, улицы и проспекты**. В районах, населённых финнами, этой статусной части соответствовало слово *tie*.

Дорожка — уменьшительное от **дорога**; небольшой проход в садово-парковой зоне, чаще на кладбище. С конца XIX в. **слово иногда применяется для небольших проездов в зелёной зоне или сельской местности**.

Ерик — старинное русское слово (ныне сохраняющееся только в диалектах), означающее проток, вытекающий из реки и в ту же реку впадающий. Единственный ерик в Петербурге — *Безымянный* (до основания города; ныне *р. Фонтанка*).

Жилгородок — отдельно стоящая группа домов городского типа. Слово используется с 1940-х гг.

Жилмассив — небольшой жилой район, построенный по единому плану. Слово употреблялось в 1920-е — 1930-е гг.; позже все жилмассивы были перенумерованы по соседним улицам.

Заводь — старинное русское слово, означающее часть реки, вдающуюся в сушу и практически не имеющую течения. В настоящее время заводей в Петербурге не осталось, но название одной из них — *Уткиной* — сохраняется в наименовании исторического района.

Залив — старинное русское слово, означающее часть реки, моря или озера, вдающуюся в сушу, но имеющую свободный водообмен с остальным водоёмом. Единственный залив на территории Петербурга — *Финский* (название известно с 1730-х гг.).

Канав — см. *канал*.

Канавка. В качестве статусной части слово первоначально употреблялось как синоним к понятию «небольшой канал» (уменьшительное от *канав*), но постепенно приобрело самостоятельное значение. Первая канавка в Петербурге — *Зимняя* (с 1778 г.).

Канал (от лат. *canalis* — труба) — искусственный водный проток, иногда вырытый по руслу естественного протока. Каналы существовали в Петербурге со времени его основания. На протяжении всего XVIII в., а иногда и в XIX в. в качестве синонима употреблялось слово *канав* (*Ржавая канав* в Сестрорецке поныне существует как официальное название). Названия некоторых засыпанных каналов сохраняются как наименования проездов, возникших на их месте.

Карьер (от фр. *carrière*, восходящего к лат. *quarraria, quadraria* — каменоломня) — водоём, возникший на месте карьера, выкопанного для добычи песка или глины. Сейчас в Петербурге имеются три карьера: *Ивановский, Орловский и Шуваловский*.

Каскад (от фр. *cascade*, восходящего к итал. *cascata*, от *cascare* — стремительно падать вниз) — группа водоёмов (как правило, искусственных) с разным уровнем воды, соединённых так, что они образуют водопад. В настоящее время в Петербурге существует один каскад, имеющий название *Большой* (в Пушкине).

Колония (от лат. *colonia* — поселение) — населённый пункт, большинство жителей которого составляют представители нерусской национальности, как правило, немцы. В Петербурге слово применялось с начала XIX в. и начало выходить из употребления в 1940-е гг., когда колонии стали преобразовываться в *деревни* и *улицы* либо разделяться на отдельные проезды. Последняя колония в городе — *Гражданка* (в 1962 г. вошла в состав *Гражданского пр.*). В топониме *ул. Нижняя Колония* (в Стрельне) слово «колония» вошло в состав основной части.

Кольцо — небольшая площадка внутри квартала. Первое и пока единственное кольцо в Петербурге — *Внутреннее* (в Осиновой Роще) — появилось в 2000 г.

Коса — проезд, проходящий вдоль узкой полосы суши между двумя водоёмами. Единственная коса в Петербурге — *Петровская* (с 1909 г.).

Круг — проезд, соединяющий *лучи* и перпендикулярный им. Круги с конца XIX в. существовали в *Царском городке*. Последний из них — *1-й Круг* — в 1976 г. вошёл в состав *ул. Книпович*.

Лагерь (от нем. *Lager* — стан) — отдельно стоящая группа домов, предназначенных для проживания военнослужащих. Как статусная часть слово используется с XVIII в. В настоящее время в Петербурге имеется один лагерь — *Малый* (близ Красного Села).

Лесная дача — лесной массив, служащий для учебных или научных целей. В Петербурге есть две лесных дачи: *Охтинская* и *Юнтоловская*.

Лесопарк — внутригородской зелёный массив, сохранивший природный тип растительности. Слово используется с 1920-х гг. По мере благоустройства некоторые лесопарки были преобразованы в *парки*.

Линия (от лат. *lineo* — переулочек). В XVIII в. — проезд, застроенный только с одной стороны. К концу XVIII в. слово утратило это значение и стало применяться как синоним к слову *улица*; обычно используется с номерами.

Луг — свободное неблагоустроенное пространство в пределах городской застройки. Как статусная часть слово начало выходить из употребления уже во 2-й половине XVIII в., когда по мере благоустройства луга застраивались или преобразовывались в *площади*, однако топоним *Царицын луг* (он же *Марсово поле*) существовал до 1910-х гг. С этого времени луга существуют только в садово-парковых зонах.

Лужа. В качестве статусной части слово используется в топониме *Маркизова лужа* (ироническое название восточной части Финского залива с 1-й четверти XIX в.).

Луч — один из нескольких проездов, расходящихся из одной точки. Лучи с конца XIX в. существовали в *Царском городке*. Сейчас остался только один из них — *2-й Луч*.

Магистраль — проектное название для наиболее значительных проездов. По мере застройки территории магистрали преобразовываются в *проспекты* или *улицы*. Первая магистраль в городе — *Глубинная* (1930-е гг.; ныне в составе *Новочеркасского пр.*), последняя магистраль, имевшая название, — *Центральная Дуговая* (последний её участок в 1977 г. вошёл в состав *Ленинского пр.*). С этого времени магистрали фигурируют только под номерами.

Местечко — украинское название для небольших населённых пунктов (от *містечко* — городок). Для Петербурга нехарактерно; единственное местечко в городе — *местечко Просвещения* в Петергофе (1930-е — 1970-е гг., ныне в составе *Ораниенбаумского шоссе*).

Местность. Очень широкое понятие, поэтому в качестве статусной части используется редко. Единственная местность в Петербурге — *Щербаковская* (в Пискаревке; конец XIX в.).

Место — свободное пространство в городской застройке, используемое для каких-либо целей. Единственное место (в узком смысле) в Петербурге — *Карусельное* (1770–1780, ныне *Театральная пл.*). См. также **парадное место**.

Мост — старинное русское слово, означающее инженерное сооружение, предназначенное для перехода через водный проток. В Петербурге мосты существуют со времени основания города.

Мыза (от фин. *moise*) — небольшой (несколько домов) населённый пункт, также загородная усадьба. По мере включения в городскую застройку мызы перенумеровались по близлежащим улицам. Последняя мыза в Петербурге — *Ильинское* (в Пискаревке; до 1920-х гг.).

Мысок — группа домов, находящаяся на участке суши, вдающемся в водоём. Единственный мысок в городе — *Леонтьевский* (1920-е — 1960-е гг.).

Набережная — проезд, проходящий по берегу водоёма. Слово возникло как сокращение словосочетания «набережная улица». Названия первых набережных в Петербурге — *Верхней* (ныне *Дворцовая наб.*), *Дворянской* (ныне *Петроградская наб.*), *Инженерной* (ныне часть *Ждановской наб.* и часть *Ждановской ул.*), *Невской* (ныне *Петровская наб.*), *Охтенской* (ныне часть *Свердловской наб.*) и *Успенской* (ныне *пр. Добролюбова*) — известны с 1753 г.

Озеро — старинное русское слово, означающее замкнутый естественный водоём. В районах, населённых финнами, этой статусной части соответствовало слово *järvi*.

Остров — старинное русское слово, означающее часть суши, со всех сторон окружённую водой. За время существования Петербурга многие острова на его территории были объединены или присоединены к матерiku. Названия ряда исчезнувших островов сохраняются как наименования местностей. В районах, населённых финнами, этой статусной части соответствовало слово *saari*.

Острова — группа **островов**, имеющая общее название. Наименование последней такой группы — *Кировские острова* — было упразднено в 1993 г. В Петербурге имеется также местность *Трухтанские острова*, название которой происходит от наименования исчезнувшего *Трухтанного острова*.

Островок — небольшой **остров**. В настоящее время в Петербурге имеется один островок — *Угольный островок* в Сестрорецке.

Парадное место — см. **плац**.

Паратное место — см. **плац**.

Парк (от англ. *park*, восходящего к лат. *parricus* — отгороженное место) — благоустроенный зелёный массив больших размеров (по действующему ныне стандарту — более 10 га). В Петербурге — со 2-й половины XVIII в. В советское время два парка получили специальный статус **парк культуры и отдыха** — *Центральный* (1932 г., в 1934 г. получил имя С. М. Кирова) и *Зеленогорский* (конец 1940-х гг.).

Парк культуры и отдыха — см. **парк**.

Переулок — небольшая **улица**. Слово возникло не позднее XV в. В Петербурге — со времени основания города.

Перспект — см. **проспект**.

Перспектива — см. **проспект**.

Перспективная — см. **проспект**.

Першпект — см. **проспект**.

Першпектива — см. **проспект**.

Першпективная — см. **проспект**.

Плац (от нем. *Platz* — площадь) — свободное пространство в пределах городской застройки, предназначенное для военных парадов. Первоначально в этом значении употреблялось словосочетание **парадное место** (также в варианте **паратное место**). Первое парадное место в Петербурге — *Измайловское* (1757 г., ныне не существует). В 1812 г. появляется слово **плац-парад** (*Артиллерийский*, ныне не существует), а в 1822 г. — сокращённый вариант **плац** (*Преображенский*, ныне не существует). Статусная часть **парадное место** вышла из употребления после 1844 г. (последнее — *Преображенское*, оно же *Преображенский плац*), а с 1857 г. перестало применяться и слово **плац-парад** (последний — *Измайловский*, бывшее *Измайловское парадное место*). С середины XIX в. **плацы** стали застраиваться или преобразовываться в площади. Последний плац в городе — *Семёновский* (до 1939 г., ныне *Пионерская пл.*).

Плац-парад — см. **плац**.

Площадка — небольшое свободное пространство в пределах городской застройки. В XVIII в. слово употреблялось для торговых мест, но впоследствии приняло более широкое значение. В настоящее время в Петербурге имеется одна площадка — *Элеваторная*.

Площадь — свободное благоустроенное пространство в пределах городской застройки. Слово возникло не позднее XV в. В Петербурге — со времени основания города.

Поле — старинное русское слово, означающее свободное от древесно-кустарниковой растительности пространство за пределами городской застройки, также большое свободное пространство правильной формы в пределах застройки. В последнем значении часто выступало как синоним к слову **плац**. По мере включения в застройку поля исчезали либо преобразовывались в площади. В настоящее время в Петербурге осталось одно поле — *Марсово*.

Посёлок — небольшой населённый пункт, большинство жителей которого заняты в промышленности либо работают на сельскохозяйственном предприятии. Слово возникло в конце XIX в. По мере включения в городскую застройку многие посёлки были преобразованы в **улицы** (иногда в **переулки**) либо разделены на отдельные проезды.

Пост — группа домов, примыкающая к железнодорожному посту. Посты возникли в XIX в. с появлением железных дорог.

Преспект — см. *проспект*.

Прспектива — см. *проспект*.

Прспективая — см. *проспект*.

Прешпект — см. *проспект*.

Прешпектива — см. *проспект*.

Прешпективая — см. *проспект*.

Проезд (в узком смысле) — небольшая улица, проходящая в нежилой зоне. Слово часто используется и в более широком смысле — как синоним слова *переулок*. Уже на плане 1849 г. имеется *Проезд на биржу* (он же *Орловская ул.*), однако официально первый проезд в Петербурге — *Адмиралтейский* — появился в 1880 г. Данная статусная часть также широко применяется для проектных названий.

Пролив — часть моря (очень редко реки или озера), заключённая между двумя относительно близкими участками суши. Единственный пролив (речной) в Петербурге — *Кронверкский*.

Пролом — проезд, проложенный в уже существующем квартале. Единственный пролом в Петербурге — *Графский* (1758–1794, ныне в составе *Гороховой ул.*). В XX в. в этом же значении применялось слово *прорезка*.

Прорезка — проезд, проложенный в уже существующем квартале. Слово использовалось для проектных и временных названий; впоследствии прорезки преобразовывались в *улицы* или *проспекты*. Первые прорезки в городе — *1-я* и *3-я прорезки* на Малой Охте (конец 1930-х гг., ныне части *Заневского пр.* и *Таллинской ул.* соответственно), последняя — *Охтинская* (в 1975 г. вошла в состав *Тульской ул.*).

Проспект — проезд, имеющий градообразующее значение. В XVIII в. для этой цели применялось слово *перспектива* (от лат. *perspicio* — просматриваю насквозь). Как равноправные варианты употреблялись также: *першпектива*, *преспектива*, *прешпектива*, *проспектива*, *перспективая*, *першпективая*, *преспективая*, *прешпективая*, *проспективая* и сочетания пяти последних слов со словами *улица* и *дорога*. В 1761 г. появляется сокращённый вариант *проспект* (до конца XVIII в. — также *перспект*, *першпект*, *преспект* и *прешпект*), постепенно вытеснивший первоначальную форму. Первый проспект в Петербурге — *Семёновский* (ныне часть *Гороховой ул.*), он же был и последней перспективой (*Семёновской*, до 1821 г.). С этого времени слово *перспектива* иногда употребляется только для обозначения главных проездов в садово-парковых зонах.

Проспектива — см. *проспект*.

Проспективая — см. *проспект*.

Проток (в узком смысле) — петербургский (более распространённый) вариант слова *протока*. В настоящее время в Петербурге остался один проток — *Кронверкский*, в действительности являющийся каналом. Название засыпанного *Шкиперского протока* сохраняется как наименование улицы, проложенной на его месте.

Протока — короткая река, соединяющая два водоёма или вытекающая из водоёма и в него же впадающая (иногда также вытекающая из болота и впадающая в другой водоём). Сейчас в городе имеется одна протока — *Виттоловская* (в Пушкине).

Пруд — старинное русское слово, означающее искусственный водоём, не имеющий течения. В Петербурге пруды существовали со времени основания города.

Прудки — группа небольших *прудов*, имеющая общее название. В Петербурге сейчас существуют *Верхние* и *Лебяжьи прудки* (в Пушкине).

Разлив — расширение реки с неустойчивыми границами, образовавшееся перед естественным или искусственным препятствием. Единственный разлив в Петербурге — *Лактинский*. В топонимах *водохранилище Охтинский Разлив* и *озеро Сестрорецкий Разлив* слово «разлив» входит в состав основной части.

Рейд (от голл. *reede*) — то же, что *гавань*. Единственный рейд в Петербурге — *рейд Лесного мола* (с 1960-х гг.), также именующийся *Лесной гаванью*.

Река. На территории Петербурга имелось более ста рек, часть из них в разное время была засыпана. В районах, населённых финнами, этой статусной части соответствовало слово *joki*.

Речка — небольшая *река*. Слово обычно используется с прилагательными.

Ров — искусственный водный проток, ограничивающий город или его часть. Единственный ров в Петербурге — *Городской* (1810-е гг., он же *Обводный кан.*).

Рубеж — проезд, проходящий по границе между двумя населёнными пунктами. Единственный рубеж в городе — *Рубеж № 8* (1934–1955, ныне часть *ул. Щербакова*).

Ручей — небольшая река. Не существует чёткой границы между понятиями «река» или «речка» и «ручей»; один и тот же проток может одновременно именоваться рекой и ручьём. Слово обычно используется с прилагательными (в том числе краткими притяжательными). В районах, населённых финнами, этой статусной части соответствовало слово *oja*.

Ряд — проезд, проходящий вдоль торговых сооружений. Как статусная часть слово широко применялось в XVIII в., однако впоследствии вышло из употребления. Последний ряд в городе — *Розовый ряд* в Кронштадте (до 1878 г., ныне *Большевицкая ул.*).

Сад — старинное русское слово, первоначально означавшее любой искусственно устроенный зелёный массив, позже — зелёный массив среднего размера (по ныне действующему стандарту — от 3 до 10 га) либо созданный специально для выращивания фруктовых деревьев. Сады существовали в Петербурге со времени основания города; впоследствии некоторые из них были преобразованы в **скверы** или **парки**.

Сад-партер (от фр. *parterre*) — зелёный массив без деревьев и высокорослых кустарников, расположенный перед зданием. Единственный сад-партер в городе — *сад-партер Смольного*, созданный в 1934 г.

Село — старинное русское слово, означающее большой населённый пункт сельского типа с церковью. По мере включения в городскую застройку сёла теряли свои названия и разделялись на отдельные проезды.

Сквер (от англ. *square*) — небольшой искусственно созданный зелёный массив (по действующему ныне стандарту — менее 3 га). Официально первый сквер в Петербурге — *Исаакиевский* — появился в 1860 г.

Слобода — старинное русское слово, первоначально означавшее поселение, свободное от налогообложения, с XVI в. — **часть города, населённую преимущественно представителями одной профессии или национальности**. Слово широко использовалось в первые десятилетия существования Петербурга, но уже во второй половине XVIII в. **начало выходить из употребления**. Слободы преобразовывались в **улицы**, **переулки** либо разделялись на отдельные проезды. В настоящее время в Петербурге осталась одна слобода — *Ильинская*.

Слободка — небольшая **слобода**, как правило, в одну улицу. Последняя слободка в Петербурге — *Чухонская* (до 1917 г., ныне часть *наб. р. Смоленки*).

Совхоз — населённый пункт, большинство жителей которого работают на государственном сельскохозяйственном предприятии; синоним слова **посёлок**. Слово возникло в 1920-е гг.; на рубеже XX–XXI вв. **все совхозы были преобразованы в посёлки**, однако сохранился топоним *отделение совхоза «Ленсоветовский»* (на территории пос. Шушары).

Спуск — проезд, ведущий с возвышенности вниз. За всё время существования Петербурга в городе имелось четыре спуска (на сегодняшний день остались два): *Морской* (1890-е — 1940-е гг.), *Ораниенбаумский* (с 1940-х гг.), *Фабричный* (1890-е — 1940-е гг.) (все в Петергофе) и *Манежный* (в Ломоносове) (с 1860-х гг.).

Станция — группа домов, примыкающая к железнодорожной станции. Станции возникли с появлением железных дорог; впоследствии некоторые из них были преобразованы в **улицы**.

Тракт (от нем. *Trakt*, восходящего к лат. *tractus* — течение) — **дорога**, соединяющая два крупных населённых пункта. В XIX в. **тракты по мере благоустройства преобразовывались в шоссе**. Последний тракт в Петербурге — *Шлиссельбургский* (до 1898 г., ныне часть *пр. Обуховской Обороны*, *Рыбацкий пр.*, *Советский пр.*, *пр. Девятого Января* и *Шлиссельбургское шоссе*).

Тупик. Данная статусная часть для Петербурга нехарактерна; за всё время существования города в нём имелось три тупика, из которых сейчас остался один: *тупик Комсомола* (1955–1964), *Митрофаньевский тупик* (с 1957 г.) и *тупик Юннатов* (нач. 1980-х гг. — 1987, ныне *3-й Рыбацкий проезд* и *Вагонный проезд*).

Улица. Слово появилось в Новгороде в XII в. и первоначально означало небольшой район города. Современное значение обрело не позднее XIV в. В Петербурге — со времени основания города. В районах, населённых финнами, этой статусной части соответствовало слово *katu*.

Участок — группа домов, построенных на территории, принадлежащей какой-либо организации. Как статусная часть слово в редких случаях используется с 1920-х гг. В настоящее время в Петербурге имеется один участок — *участок Ленэнгеро* в Решетникове.

Фарватер (от голл. *vaarwater*) — судоходный водный проток. Единственный фарватер в Петербурге — *Екатерингофский* (1875–1900, он же *р. Екатерингофка*).

Ферма (от англ. *farm*, восходящего к фр. *ferme*, от лат. *firmus* — прочный) — группа домов, примыкающих к сельскохозяйственному предприятию. Сейчас в городе существует одна ферма — *Колпинская* (на территории пос. Шушары). В топониме *Ферма-2* (в Пушкине) слово «ферма» входит в состав основной части.

Хутор (от укр. *кут* — угол) — небольшой населённый пункт (в северных областях России — один-два дома), отделившийся от основного поселения. По мере включения в городскую застройку хутора получали адреса по близлежащим улицам. Последний хутор в Петербурге — *Рейтер* (до 1960-х гг., у пересечения современных *пр. Культуры* и *пр. Луначарского*).

Шоссе (от фр. *chaussee* — мостовая) — благоустроенный проезд, ведущий за пределы населённого пункта. Шоссе часто преобразовывались из **дорог** и **трактов** после их благоустройства. Первое шоссе в Петербурге — *Безбородкинское* (1824 г., ныне *шоссе Революции*). В XIX в. **слово иногда использовалось и для внутригородских проездов с целью подчеркнуть их благоустройство** (*Ланское шоссе*). По мере включения в городскую застройку некоторые шоссе были преобразованы в **проспекты** и **улицы**.

Элинг — см. **гавань**.

Отметим в заключение, что иногда в названиях исторических районов статусные части переходят в состав основных (Новая Деревня, Старая Деревня, Уткина Заводь).

Автор благодарен А. Ф. Векслеру за помощь в написании вводной части настоящей статьи.

Д. С. Ратников

СТРАННЫЕ И СМЕШНЫЕ ТОПОНИМЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Один из важнейших принципов подбора названия для улицы, парка, города — возможность произносить топоним легко, непринужденно, а также возможность так же просто писать его. Увы, на деле принцип этот соблюдается не всегда, даже когда он декларируется публично. Готовя эту статью, я попросил петербуржцев назвать самые неудобные и неудачные с точки зрения произношения и написания, а также просто смешные названия. Попробую проанализировать ответы.

История Петербурга помнит немало примеров, когда со временем один геоним трансформировался в другой. Когда народ старался упростить более сложную версию. Такие преобразования произошли с *Зелеными улицами* (в прошлом *Зелеными*, где зелье — порох), *Турухтанным островом* (изначально — *Трухманным*, от фамилии его владельца), *Лештуковым переулком* (поначалу — *Лештоковским*, опять же от фамилии домо-владельца Иоганна Лестока).

Упрощали не только названия улиц, но и имена людей. Варфоломей Варфоломеевич Растрелли (вместо Бартоломео Франческо), Петр Петрович Базен (Петр-Доминик), Юлий Андреевич Боссе (Гаральд Юлиус). Собственно, и упомянутого хирурга Лестока в России звали Иваном Ивановичем. В общем, примеров огромное множество.

Традиция упрощать сложные или длинные названия со временем не пропала. Исключение лишь в том, что сейчас народные топонимы не попадают на карты. Упрощенные варианты наименования есть почти у каждой станции метро (*«Гостинка»*, *«Петроградка»*, *«Васька»*, *«Технологжка»*), у мостов (*Невский путепровод*, более известный в народе как *Сортировочный*, в радиосооб-

щениях о пробках именуют *Сортировкой* или *Сортировочкой*).

И хотя при слове «топонимика» и вообще при начале разговора о названиях улиц у большинства петербуржцев (наверное, правильнее сказать — у россиян, но в этой статье ограничусь жителями нашего города) возникает мысль об увековечении имени известного человека, это не означает, что для горожан совершенно неважно, как в итоге название будет звучать. Даже наоборот, когда мы в официальном паблике газеты «Канонер» в социальной сети «ВКонтакте» проводили опрос на тему «На улице с каким названием вам приятнее было бы жить?», то почти 70% респондентов проголосовали за вариант «В виде прилагательного» и только 5,6% — за форму родительного падежа; 22% респондентов оказалось все равно.

В середине декабря 2015 г. в том же паблике мы провели ещё один интересный эксперимент — попросили читателей назвать самые неудачные геонимы Петербурга именно с точки зрения произношения, а то и просто здравого смысла. Конечно, не все поняли вопросы и забросали страницу *улицами Ленина*, *Большевикова*, *Дыбенко*, *Белы Куна*. Но все же примерный список топонимов-

аутсайдеров был составлен. И попали в него далеко не только советские названия, но и дореволюционные.

И прежде чем перейти к их анализу, следует уточнить важный аспект, о котором многие забывают. В обывденной речи никто из носителей языка не задумывается не только над этимологией названия, но и вообще над значением слов в топониме. Проще говоря, когда вспоминают *площадь Александра Невского*, перед глазами не предстает князь (разве только его бронзовый памятник как важный ориентир на площади), а при указании дороги на *Глухарскую улицу* максимум думают о глуши, в которой она расположена, а совсем не о речке Глухарке и глухарях. Поэтому даже если топоним исторически оправдан, это вовсе не означает, что он удачен для повседневного употребления.

Худшим топонимом оказалась коломяжская *3-я линия 2-й половины* (сюда же добавим *3-ю линию 1-й половины*). В этом названии сплелись и числительные, очень нелюбимые горожанами, и просто близкие цифры, заставляющие запутаться (то ли 3-я линия 2-й половины, то ли 2-я линия 3-й половины, ведь слово «половина» здесь почти не воспринимается как часть целого), и четыре слова в одном названии, и казенно-садоводческий статус «линия».

Следом идет *улица Электропультовцев*. Это изобретение пиарщиков завода «Электропульт», данное в обход Топонимической комиссии, думаю, ещё много лет будет возмущать всех — от простых горожан до ученых умов. Да и наступит ли то время, когда оно перестанет вызывать эмоции? Или оно со временем просто уйдет с карты города? Сложносокращенные слова для названий в любом случае подходят далеко не всегда, хотя и в советские годы активно применялась эта практика, но с преоб-

разованием их в эдакие этнохоронимы-катойконимы получаются крайне неприемлемые конструкции.

Чуть меньше голосов набрал «брат» улицы *Электропультовцев — Полиграф-машевский проезд*. Собственно, один из авторов этого относительно нового топонима признавал его неудачность:

Да, название не очень благозвучное. У многих благодаря книге Михаила Булгакова и фильму Владимира Бортко «Собачье сердце» возникает ассоциация с Полиграфом Полиграфовичем Шариковым. Мы довольно долго ломали голову, как название сделать более благозвучным. Предлагали «Полиграфический». Но ведь это совершенно другая профессия.

Это слова члена топонимической комиссии Алексея Ерофеева. Увы, стороннему наблюдателю невозможно понять, почему нельзя было просто отказаться от увековечения завода «Ленполиграфмаш» в топонимии, но факт остается фактом: один из немаленьких проездов в Приморском районе называется чересчур сложно.

В пятёрку антилидеров с точки зрения произношения вошла и советская *улица Кржижановского*. Возможно, первой она не стала лишь по причине того, что многие сочли незтичной саму мысль оценивать не столько топоним, сколько фамилию человека. И это действительно частая точка зрения. Скажем, читательница Марина Романова пишет:

Если тяжело произносить слова, обращаются к логопеду, а не меняют названия улиц. Я понимаю, если причина — изменение взгляда на какую-либо историческую личность или возвращение первоначального исторического названия. Но когда кому-то не выговорить — это что за причина?

И все же есть стойкое мнение, что не все фамилии и вообще не все слова одинаково хорошо подходят для топонимии. Например, краевед Андрей Рыжков полагает:

Я всегда говорил, что топонимия не есть механический способ переноса фамилий на карту, потому что она несправедлива: не все фамилии удобны для ежедневного произношения.

К слову, сама фамилия *Кржижановский* тоже трансформировалась, и явно под гнетом неудобства произношения; так, петербургского архитектора конца XIX — начала XX в. звали Дмитрий Крыжановский.

К труднопроизносимым респонденты отнесли и другие топонимы: *Друскенинский переулок* (вспоминается история 2009 г., когда там появились указатели с опечаткой — Друскенинский переулок; об этом снимал сюжет телеканал «100 ТВ»), *улица Жака Дюкло*, *улица Пограничника Гарькавого*, «куст» *Рабфаковских улицы и переулков*, *Шишмарёвский переулок*, *улица Сантьяго-де-Куба*, *Малодетское сельский проспект*, *Гельсингфорсская улица*, *Большевикская улица* и *улица Карла Либкнехта* в Кронштадте, *2-й проезд 1-й Конной Лахты* (тут скорее дело не в употреблении каждого слова по отдельности, а в протяженности — кажется, это самый длинный топоним в Петербурге), *дорога на Турухтанные острова*, *улица Бонч-Бруевича*, *Якобштадтский переулок*, *Дерптский переулок*, *улица Рентгена*. Пожалуй, всё. Можно добавить ещё и *парк Интернационалистов*, но ограничимся только улицами.

Исследование общественного мнения ставило перед собой ещё одну задачу — найти смешные и нелепые топонимы. И такие тоже набрались с разных

концов города. Со временем многие из них стали привычными, а их смысл улетучился. Правда, не для всех, а только для тех, кто их каждый день произносит. А вот любой человек, который видит наименование впервые, может улыбнуться. И улыбается.

С вашего позволения, ещё немного потомлю. Вся идея с народным поиском неудачных названий родилась после того, как в паблике безжалостно раскритиковали три недавних творения топонимической комиссии, — *Аквадельную*, *Пейзажную* и *Легковую* улицы. И даже объяснения, что первые две держат общий геонимический контекст будущего микрорайона у крематория (где большинство проездов увековечивают имена художников), а третья находится в промзоне автомобильного завода, не помогли: все три варианта, и в особенности *Легковая* улица, стали нарицательными и теперь сразу вспоминаются теми, кто хочет заняться критикой работы комиссии.

Теперь результаты. Большое количество лайков (средств выражения одобрения) по большому счету ничего не значит. Например, две группы равноправных топонимов — *Советские улицы* (*переулки, проспекты*) и *Российский проспект* (*бульвар, переулок*) — получили 16 и 3 голоса соответственно, и очевидно, что люди отдавали своё предпочтение не столько из-за курьезного наименования советской улицы Советской, а российского проспекта — Российским, сколько из-за желания выказать пренебрежение к прежней власти (хотя на самом деле имена Российских бульвара и переулка появились ещё при Николае II). Само же неприятие подобных названий связано в том числе и с тем, что существует обширный набор устойчивых словосочетаний с прилагательными

«советский» и «российский». Слово «российский» вообще не воспринимается как часть геонима в значении «прилагательное от названия страны» — оно больше похоже именно на «свойственный стране». Поэтому, услышав «Российский проспект», так и хочется написать его со строчной буквы.

Слух петербуржца сразу чувствует, что *улица Чекистов* — это как «улица Гаишников». Ведь слово «чекист», обозначающее работника органов государственной безопасности, разговорное. А тут — небольшая улица в Красносельском районе.

Улыбку вызывают и идеологические изобретения советской власти, такие как *улица Пролетарской Диктатуры*, *Коллективная улица*, *улицы Красного Курсанта*, *Красного Текстильщика*, когда-то — *Электрика*, *проспект Стачек*, *шоссе Революции*, *площадь Восстания*, *бульвар Разведчика*, *проспект Ветеранов*, *стрельнинская Целинная улица*. А вот псевдоромантические творения: *Поэтический*, *Сиреневый*, *Серебристый бульвары*, *улица Новосёлов*, *улица Новостроек*, наконец, *тырлевское Филтровское шоссе* (по фильтрам очистной станции, причём именно с таким прилагательным, хотя в словаре другое — *фильтровый*).

Без труда читатели отыскивали и просто умилительные топонимы. Среди них *переулок Усыскина*, *улица Кованько*, *переулок Рублёвники*, *улица Лёни Голикова*, *улица Кибальчица* (ассоциация с Мальчишем-Кибальчишем), *Макулатурный проезд*, *улица Блохина*, *Бармалева улица*, да и вообще сочетание *Плуталовой*, *Подрезовой* и *улицы Подковырова* (особенно есть учесть, что большинство горожан не знает, как правильно употребляются эти названия), *Бобыльская улица*, *улица Фучика*, *улица Дудко*, *улица Политрука Пасечника*, *улица Танкиста*

Хрустицкого (как написал читатель Сергей Нифонтов, «так и представляешь, как он танком хрустит фашистскими трупами»), *Рюхина улица* (по городошной рюхе), *Автогенная улица*, *Бобруйская улица* (тут уже большую роль играет интернет-цунами любви к бобрам; по той же причине, появившись в Петербурге Карагандинская улица, она бы автоматически попала в этот список), *улица Химиков* (вроде бы ничего особенного, но желание обрести в Петербурге расположенные рядом улицы Физиков и Лириков в юмористичном интернет-пространстве велико), *улица Капитана Грищенко*, *Дойников переулок*, *Сивков переулок*, *Собственный проспект*, *Мартышкино* и *Мартышкинское кладбище* (не улицы, но не мог не добавить).

Следующую часть трудно категоризировать, поэтому — в произвольном порядке. Не могли читатели не вспомнить «Страну дураков» на Пороховых с ее *проспектами Наставников*, *Ударников*, *Энтузиастов* и *улицей Передовиков*. Нашли два примера недопереименованных улиц: *2-й Луч* и *2-я Колсомольская* (1-х давно нет; то же можно сказать и о вышеупомянутом 2-м проезде 1-й Конной Лахты). Вдобавок к бесчисленным *Новым*, *Безымянным*, *Шоссейным*, просто номерным улицам и переулкам город Павловск прибавляет *Проектируемую* улицу. Нынешние правила присвоения названий не позволяют ее переименовать, оставляя главный канцелярский курьез 78-го региона в неприкосновенности как минимум на несколько лет.

К временам Ленинградского ордена Ленина метрополитена имени Ленина отсылают нас *Пушкинская улица* в Пушкине, *Петергофская улица* в Петергофе, *Кронштадтская улица* в Кронштадте, аж две *Колпинские улицы* в Колпине, *Стрельнинская улица* в Стрельне, *улица*

Ломоносова в Ломоносове, *улица Академика Комарова* в Комарове, а *улица Репина* — в Репине.

Вспоминают ещё и кривую *Прямую* улицу в Зеленогорске, крайне короткий *Прямой проспект* у Володарского моста, *Круговые улицы* в Репине и Зеленогорске, которые в полной мере круговыми не являются (в отличие от такой же улицы в Тярлеве), а ещё зеленогорские *Узкую* и *Широкую* улицы, имеющие фактически одну ширину.

По итогам этой подборки так и хочется составить некую рекомендацию,

но воздержусь. Мне думается, что порой со временем сочинители названий признают одно или несколько своих топонимических произведений неудачными. Но что поделаться: давать имена улицам — дело непростое. Раз присвоили официально, то назад не воротить. Хотя порой такой механизм был бы весьма кстати. Быть может, он позволит в будущем закрепить в качестве официального название *Вантовый мост* и отправить в утиль улицу *Электропультовцев* вместе с Полиграфмашевским проездом.

Г. Г. Мартынов, Е. П. Сизёнов

ВДОЛЬ ВЕРХНЕГО ТЕЧЕНИЯ РЕКИ МГИ

Река *Мга* — левый приток Невы, один из самых крупных; протекает в пределах Кировского района Ленинградской области. Своё начало берёт в *Малуксинском озере*, расположенном среди огромных торфяных болот, раскинувшихся южнее Нази. Общая протяженность — 93 км. До образования Невы впадала в Ладожское озеро.

Первоначальная русская форма названия реки — *Мья*. С этим именем в Переписной книге Водской пятины 1500 г. упомянуты четыре поселения Никольского Ярвосольского погоста и четыре поселения Спасского Городенского погоста.

По мнению С. В. Кисловского, название реки (по-фински *Мижаяоки*) происходит от ижорского *Мија* — баба¹. Той же версии придерживается и Г. П. Смолицкая².

Другой вариант происхождения, как представляется, более вероятный, даёт Е. М. Поспелов. Имя *Мья* он выводит из финского *мија*, *мије* — земля, неплотный, слабый грунт, песок, щебень, гравий; сыпучий. Существует ещё вариант названия *Муга* (наряду с написанием *Мга* он встречается на карте Ладожского озера и Финского залива с прилегающими местами 1745 г.³). Е. М. Поспелов выводит его от *тиһа* — рыхлая земля; смесь, мешанина, сыпучий, хорошо смешанный. «Таким образом, смысл обоих названий практически идентичен и, по-видимому, характеризует грунт берегов и дна реки.

Смену названий связывают предположительно с изменением состава населения: коренная ижора при шведах была вытеснена выходцами из Финляндии», — констатирует он⁴.

Таким образом, название реки и одноимённого посёлка на ней невозможно выводить из слова *маа*, зафиксированного в толковых словарях со значениями «*густой туман, изморось, мгла*». Из «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера следует, что происхождение этого слова не имеет ничего общего с теми словами, от которых предположительно произошло рассматриваемое название⁵.

Мга впадает в Неву в 55 км от её устья, а в полутора километрах выше в Неву впадает река *Мойка*, протекающая восточнее. Её исток находится к северу от посёлка при станции Сологубовка, а длина составляет 27 км. Петербуржцам, да и отнюдь не только им, хорошо известна одноимённая река, проходящая по историческому ядру города. Происхождение её названия точно установлено: в *Мойку*

¹ Кисловской С. В. Знаете ли вы? Словарь географических названий Ленинградской области. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1974. С. 95.

² Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М., 2002. С. 202.

³ www.aroundspb.ru/karty/154/sg_1745_ladoga.html.

⁴ Поспелов Е. М. Географические названия: Топонимический словарь: более 4000 единиц. М., 2008. С. 287.

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 2004. С. 587.

трансформировалась Мья, а в период шведского владения Ингерманландией река называлась Муя (от ижорского слова, означающего «грязная»). Современное название появилось в 1726 г. по языковому сходству слова мья с русским глаголом *мыть*⁶. В XVIII в. эти названия сосуществовали параллельно. Мойка же в Кировском районе Ленинградской области впервые подписана на карте Ингерманландии и Карелии 1735 г.⁷; река Мга при этом никак не подписана, хотя и обозначена.

Можно предположить, что названия обеих *Моек* (в городе и области) имеют одинаковое происхождение. Следует отметить, что в течение определённого времени названия рек *Мги* и *Мойки* звучали одинаково — Мья, но впоследствии они трансформировались по-разному. Для окончательного прояснения вопроса о появлении топонимической «связки» близлежащих рек Мги и Мойки, между устьями которых нет и двух километров, необходимо более глубокое исследование.

В верховьях река Мга протекает в низких заболоченных берегах, более напоминая извилистую канаву шириной 3–4 м с часто встречающимися завалами. Местность рядом с истоком — бывшие назийские торфоразработки — обильно изрезана искусственными канавами,

так что Мга среди них почти не выделяется. Отсюда на довольно продолжительном расстоянии она течёт в юго-западном направлении по местности, где отсутствуют населённые пункты. Судя по старым картам, таковых на этой территории почти никогда и не существовало.

Первый населённый пункт по течению, примерно в 10 км от истока реки, — это посёлок при железнодорожной станции *Погостье*, построенный в годы Первой мировой войны австрийскими солдатами и офицерами, попавшими в плен при Брусиловском прорыве 1916 г. По причине военного времени и революционных событий работы на Мологско-Рыбинской железной дороге (ныне Савёловская линия Октябрьской железной дороги) велись медленно; участок Мга — Будогощь протяжённостью 98 км в составе девяти станций⁸ окончательно был сдан в эксплуатацию только в 1921 г.⁹

Необходимость появления станции *Погостье* была обусловлена тогдашними техническими условиями эксплуатации железных дорог. Ее название является как будто производным от древнерусского слова «погост». Оно имеет несколько значений, в том числе «населённый пункт вообще, как правило, с церковью»; «церковь с кладбищем и с прилегающими дворами притча, обычно расположенная

⁶ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15 000 городских имён / Под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013. С. 275.

⁷ www.etomesto.ru/map-peterburg_1735/?z=1&x=30.315332&y=59.950287.

⁸ Станции в направлении от Мги: Сологубовка, Малукса, Погостье, Жарок, Посадниково, Волховская пристань, Кириши, Пчевжа, Будогощь (см.: Официальный указатель железнодорожных, паромных и других пассажирских сообщений. Вып. 1. 2-е изд. Зимнее движение 1922/23 гг. С 1 нояб. 1922 г. Табл. 322).

⁹ См.: Архангельский А. С., Архангельский В. А. Железнодорожные станции СССР: Справочник. Кн. 2. М., 1981. С. 30; От Выборга до Новгорода: Каталог станций / Сост. М. М. Рязанцев. СПб., 1998 (далее: От Выборга до Новгорода). С. 86. В обоих источниках при указании времени открытия станций встречаются ошибки.

в стороне от населённых пунктов»¹⁰. По словарю М. Фасмера, «погост» — «*церковная община, приход, церковь с жилищными домами, службы, диал. кладбище*»¹¹.

Окончание названия *-стье* в принципе свидетельствует о том, что на этом месте погост существовал прежде — влюбом из приведённых значений этого слова, но, может быть, прежде всего как кладбище¹². Таким образом, как и в случае с рассмотренной выше связкой «Мга — Мойка», данный вопрос пока ожидает своего разрешения.

На старых картах вблизи будущей станции обозначены деревни *Виняголово*¹³ и *Малукса* (*Венелага* и *Малотукса* в Переписной книге Водской пятины 1500 г.). Они были небольшими: в 1862 г. первая из них («при р. Мге») состояла из 13 дворов, вторая («при колодцах») — всего из четырёх¹⁴. Однако они ещё существовали и в 1916 г.¹⁵, и 1941 г.¹⁶, но не пережили Великую Отечественную войну.

С осени 1941 г. по реке Мге проходила линия фронта. Погостье заняли немцы. У слияния рек Мга и Дубок они построили блиндажи, остатки которых можно видеть до сих пор. Бои за освобождение посёлка носили чрезвычайно кровопролитный характер. В феврале 1942 г. Погостье было отбито бойцами 54-й армии Волховского фронта, но сражение здесь продолжалось вплоть до апреля. Наступившая весна обнажила невероятный хаос, запечатлённый на фотографиях¹⁷.

О боях под Погостьем подробно написано во многих книгах, посвящённых битве за Ленинград, причём со стороны обоих противников. Так, отдельные главы об этих событиях есть в воспоминаниях воевавших здесь сотрудника Государственного Эрмитажа Николая Николаевича Никулина¹⁸ и немецкого историка Хассо Г. Стахова¹⁹: «Много убитых видел я на войне, но такого зрелища,

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 197.

¹¹ Фасмер М. Указ. соч. Т. 3. М., 2004. С. 295.

¹² Кладбище недалеко от станции у высоты 55 обозначено на современных картах, см.: Ленинградская область: Кировский, Киришский районы. СПб., 2010.

¹³ На многих старых картах, в частности, на весьма точной трехверстовой Военно-топографической карте Российской империи Ф. Ф. Шуберта течение Мги начинается от деревни Виняголово, или Веняголово; выше по течению река носит название *Лава* (www.etomesto.ru/shubertmap/3-9/; съёмка местности произведена в 1855 г.).

¹⁴ Санктпетербургская губерния. Список населённых мест по сведениям 1862 г. СПб., 1864 (далее: Список 1862 г.). С. 190.

¹⁵ См. карту Петроградской губернии 1916 г., где Мологско-Рыбинская ж. д. уже обозначена как строящаяся, а указанные деревни подписаны как Веняголово и Молокса (www.etomesto.ru/map-peterburg_1916-petrogradskaya/?z=1&x=31.312342&y=59.611340).

¹⁶ См. топографическую карту Ленинградской области генштаба РККА 1941 г. (www.etomesto.ru/map-peterburg_genshtab-5km/?z=1&x=31.261325696955&y=59.611286518595).

¹⁷ См., например: Жуков Д., Ларенков С., Иринец Б. Битва за Ленинград: Мы погибли, чтобы жили вы. Фотоальбом. СПб., 2015. С. 20.

¹⁸ Никулин Н. Н. Воспоминания о войне. 3-е изд. СПб., 2010. С. 33–70 («Погостье»).

¹⁹ Стахов Х. Г. Трагедия на Неве: Неизвестные страницы блокады Ленинграда. М., 2012. С. 136–162 («Кровавая железнодорожная насыпь в Погостье. Встреча через много лет»).

как в Погостье зимой 1942 года, видеть больше не довелось. Мёртвыми телами был забит не только переезд. Они валялись повсюду. <...>

Штабеля трупов у железной дороги выглядели зимой как заснеженные холмы, <...>. Позже, весной, когда снег стаял, открылось всё, что было внизу. У самой земли лежали убитые в летнем обмундировании, в гимнастёрках и ботинках. Это были жертвы осенних боёв 1941 года. На них рядами лежали морские пехотинцы в бушлатах и широких брюках «клёш». Ещё выше — сибиряки в полушубках и валенках, шедшие в атаку в январе-феврале 1942 года. <...> Здесь смешались трупы солдат многих дивизий, атаковавших железнодорожное полотно <...>²⁰.

С 1988 по 2005 г. в районе Погостья были найдены поисковиками и похоронены на братском кладбище 4 105 бойцов, и эта работа продолжается, но на памятные доски занесены пока только 33 фамилии. Рядом со станцией — братское захоронение воинов 483-го стрелкового полка 177-й стрелковой дивизии.

Название посёлка стало трагическим символом для многих тысяч людей. Председатель Фонда поисковых отрядов Ленинградской области И. Г. Прокофьев пишет об этом: «Как будто свыше, Богом ей изначально дано такое название, в полной мере оправдавшееся в годы Великой Отечественной войны. Старинное русское слово «погост» означает кладбище. И в войну для многих тысяч солдат по обе стороны фронта Погостье стало местом последнего дня их жизни. Но нет здесь монументов славы. Печальные фа-

нерные пирамидки и деревянные столбики со звёздочками сгнили, растворившись в ожившем лесу. Останки погибших разбросаны по лесам и болотам, артиллерийским и авиационным воронкам, затапанным болотной жижей, осыпавшимся траншеям, обвалившимся блиндажам»²¹.

Люди в Погостье гибли не только в ходе оборонительных и наступательных боёв. Гораздо менее известно, что до войны здесь находился лагерь «врагов народа», в котором 21 (или 20) апреля 1937 г. мученическую смерть вследствие систематических и жестоких истязаний со стороны уголовников с поущения лагерного начальства принял племянник Иоанна Кронштадтского протоиерей Иоанн Орнатский. Погребён он был там же, в Погостье. Крест в память новомученика установлен монахами Леушинского подворья в Петербурге, первым настоятелем церкви которого протоиерей был в 1895–1904 гг.²².

В советское время Погостье входило в состав Берёзовского, затем Лезьенского сельсоветов. После административной реформы 1994 г. — в состав Берёзовской волости; в настоящее время оно относится к Мгинскому городскому поселению Кировского района, хотя с 1990-х гг. постоянного населения в нём нет.

В пяти километрах ниже Погостья, на правом берегу Мги, — урочище на месте бывшей деревни Виняголово. К левому же берегу от него на протяжении нескольких километров примыкает большое Макарьевское болото (Макарьевский мох). В одном месте через него проходит

²⁰ Там же. С. 158.

²¹ Цит. по: Огромным погостом отважной пехоты в безвестных болотах случилось Погостье // www.soldat.ru/memories/pogost.html.

²² См.: leushino.ru/podvorie/l7_1.html.

заброшенная Макарьевская дорога, ведущая к бывшей Макарьевской пустыни, основанной преподобным Макарием Римлянином Новгородским в первой половине XVI в. (здесь же он и был погребён у стены Успенской церкви). По секуляризационной реформе 1764 г. обитель была упразднена как малолюдная и бедная. В 1894 г. Синод постановил вновь открыть здесь Воскресенский практически-миссионерский монастырь.

После Октябрьской революции в Макарьевской пустыни была организована ремесленная школа с интернатом, потом совхоз. После того как в 1932 г. пустынь была окончательно закрыта, в ней разместилось отделение Свирьлага. Во время Великой Отечественной войны все монастырские строения были разрушены, на их месте высажен ельник. С 2004 г. предпринимаются попытки возрождения обители.

Пустынь находится в Тосненском районе Ленинградской области, к тому же на значительном удалении от реки Мги, поэтому более подробно о ней мы говорить не будем²³. Тем более очевидно, что и к названию станции Погостье она не имеет никакого отношения.

Сама река Мга, поворачивающая на северо-запад и постепенно расширяющаяся, почти от Макарьевской дороги на длительном протяжении служит границей Кировского и Тосненского районов. Берега её по-прежнему пустынные. С левой стороны идут болота Яковлевское и Ерёмно (Ерёмин мох). Слева и справа во Мгу впадают много-

численные ручьи. На упомянутой карте Ф. Ф. Шуберта они подписаны так: Вязминской, Чёрной, Нестеровской, Стреловской, Марковской, Липняжной.

В районе впадения правого притока, реки Берёзовки, в 48 километрах от устья, Мга делает большую петлю на восток, после чего окончательно принимает северо-западное направление.

Ниже Берёзовки, в некотором удалении от левого берега Мги, на старом участке древней Ореховской дороги (см. о ней ниже) находится деревня Белоголово. В принципе, это словосочетание понятно — по-видимому, в своём изначальном смысле оно указывает на особенности местного рельефа — Шапкинских высот.

На карте Ингерманландии, составленной А. И. Бергенгеймом в 1827 г. по шведским материалам 1676 г., вблизи этого места обозначено поселение *Parila*²⁴. На российских картах деревня впервые встречается, насколько установлено, на карте Санкт-Петербургской губернии Я. Ф. Шмита 1770 г., где она подписана как *Белоголова*²⁵. Впрочем известно, что нанесение на карту тех или иных объектов напрямую зависит как от масштаба, так и от целей и тщательности работы картографов. Так, на пятиверстовой топографической карте Санкт-Петербургской губернии Ф. Ф. Шуберта 1834 г. обозначено озеро *Белоголовское*, весьма незначительное по размерам, а рядом с ним — безымянная деревня²⁶.

В XVIII в. обширная мыза Шапки с деревнями, занимавшая первоначально

²³ См.: Киселева Т. Ф., Маврина О. Ю. В сельце дворцовом в Шапках: Краеведческие записки. СПб., 2014. С. 353–361 (глава «Макарьевский монастырь»).

²⁴ www.vsevinfo.ru/History/map_1704.htm.

²⁵ www.aroundspb.ru/karty/157/sg_1770_schmidt.html.

²⁶ www.etomesto.ru/map-peterburg_5verst/?find=1&z=1&x=31.237564&y=59.641106.

едва ли не половину южной части Шлиссельбургского уезда, принадлежала сначала генерал-фельдмаршалу Василию Владимировичу Долгорукову (1667–1746). Считается, что он «на пустошах построил и населил село Шапки и 14 деревень», включая Белоголово²⁷. В соответствии же с историческими данными правильнее будет говорить о том, что В. В. Долгоруков «был обязан заселить малонаселённые деревни и пустоши крестьянами, переселёнными из его подмосковных деревень и других владений»²⁸.

С 1747 г. на протяжении полувека Шапкинским имением владели три поколения рода Дубянских (о них мы ещё не раз вспомним по ходу рассказа), постепенно делившие его между собой. В конце концов собственно мыза Шапки досталась статскому советнику Федору Яковлевичу Дубянскому (1786–1865). В начале XIX в. помимо села Покровского (Шапки) в неё входило ещё 5 деревень, в том числе Белоголово, где числилось 5 дворов с населением 12 человек мужского пола и 11 — женского²⁹.

В 1818 г. Ф. Я. Дубянский продал имение генералу от инфантерии Александру Дмитриевичу Балашову (1770–1837), крупному государственному деятелю периода царствования Александра I. Ему и его наследникам, также в трёх

поколениях, оно принадлежало следующие 67 лет³⁰.

За эти десятилетия величина деревни менялась не сильно. Так, если в 1838 г. в Белоголово значится «по ревизии» 19 лиц мужского пола³¹ и 28 — женского, то в 1856 г. население Белоголово (здесь название уже приобретает современную форму) — 14 душ (мужчин) при шести дворах³², а в 1862 г. — семь дворов, 18 мужчин и 16 женщин³³. По сведениям 2010 г. в ней числилось 14 постоянных жителей.

Административно Белоголово относилось к Шапкинской волости Шлиссельбургского уезда, в советское время — к Шапкинскому сельсовету; сейчас оно входит в состав Шапкинского сельского поселения Тосненского района.

Несколько ниже по течению Мги расположена деревня Ерзуново, ныне также относящаяся к Шапкинскому сельскому поселению. Она возникла на сухопутной Ореховской дороге длиной 180 вёрст, связывавшей Новгород с рекой Невой и далее с основанной в 1323 г. крепостью Орешек. Дорога, направление которой в целом сохранилось до наших дней (через Тёсово-Нетыльский, Вдицко, Сельцо, Любань, Шапки) имела не только торговое, но и военное значение. Считается, что именно по ней к месту Невской битвы следовала в 1240 г. дружина Алек-

²⁷ Мурашова Н. В., Мыслина Л. П. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Тосненский район. СПб., 2010. С. 220.

²⁸ Киселева Т. Ф., Маврина О. Ю. Указ. соч. С. 38.

²⁹ Там же. С. 91.

³⁰ Там же. С. 95.

³¹ Описание Санктпетербургской губернии по уездам и станам. СПб., 1838 (далее: Описание 1838 г.). С. 76.

³² Алфавитный список по уездам и станам С.-Петербургской губернии, составленный при Губернском статистическом комитете. СПб., 1856 (далее: Список 1856 г.). С. 9.

³³ Список 1862 г. С. 190.

сандра Ярославича. К берегу Невы путь выходил близ устья Мги. Впоследствии между Шапками и деревней Петрово дорогу спрямили, и Ерзуново осталось в стороне от неё.

На упомянутой карте А. И. Бергенгейма 1676 (1827) г. обозначена деревня *Jorsina*. На шведской Генеральной карте провинции Ингерманландии 1704 г., составленной по материалам 1678 г., — *Jerskova*³⁴. Таким образом, налицо русский формант, и можно говорить о том, что её жители были русскими. Возникла она, по-видимому, до начала шведского владения Ингерманландией, но не раньше XVI в., так как в Переписной книге Водской пятины 1500 г. не упоминается. Следовательно, это произошло уже после включения Новгородской земли в состав Московского государства, в языке жителей которого имелось слово «ерзнуть» в значении «быстро поехать» (за кем-либо)³⁵. Отсюда можно сделать весьма осторожное предположение о смысле названия деревни, оказавшейся на постоянной действующей дороге с ямами.

На Географическом чертеже Ижорской земли А. Шонбека 1705 г. деревня подписана как *Йоскова*³⁶, а уже на карту Ингерманландии И. К. Кирилова 1727 г.

она нанесена с названием *Ерзуново*³⁷. Правда, такая форма устоялась не сразу. На карте Ингерманландии и Карелии 1735 г. оно передано как *Ерсуново*. На соответствующем участке карты Ф. Ф. Шуберта 1855 г., Специальной карте Европейской России И. А. Стрельбицкого 1871 г.³⁸ и других она обозначена как *Ерзунова*. Точно так же и в печатных источниках 1838 г.³⁹ и 1856 г.⁴⁰ Входя в состав Шапкинского имения, как и Белоголово, деревня последовательно принадлежала В. В. Долгорукову, Дубянским и Балашовым.

В 1862 г. название вновь принимает форму *Ерзуново*⁴¹, хотя вариативность написания сохранялась ещё долго: так, например, *Ерзунова* имеется на карте Генштаба РККА 1932 г. В справочниках 1933 и 1936 гг. название приведено как *Ерзуново*⁴² — скорее всего, просто ошибочно, поскольку на карте того же Генштаба РККА 1941 г. она подписана правильно.

В XIX в. деревни Белоголово и Ерзуново были близки по размеру, а вот согласно переписи 2010 г. в последней проживали всего два человека.

В полутора километрах ниже Ерзунова — там, где граница Тосненского

³⁴ www.aroundspb.ru/karty/152/sg_1678_beling.html.

³⁵ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 6. СПб., 2014. С. 150.

³⁶ www.aroundspb.ru/maps/shonback/shonback_09.gif.

³⁷ www.aroundspb.ru/karty/107/sg_1727_ingermanland.html.

³⁸ www.etomesto.ru/map-karta-strelbickogo/?x=31.483165&y=59.635764.

³⁹ Описание 1838 г. С. 76.

⁴⁰ Список 1856 г. С. 152.

⁴¹ Список 1862 г. С. 190.

⁴² Рыкшин П. Е. Административно-территориальное устройство Ленинградской области. Л., 1933 (далее: Справочник 1933 г.). С. 421; Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области / Сост.: Богомолов Ф. И., Комлев П. Е. Л., 1936 (далее: Справочник 1936 г.). С. 97, 284.

района резко поворачивает на запад — начинаются каменистые перекаты, которые с небольшими перерывами тянутся до деревни Петрово. Следующий населённый пункт на нашем пути, на левом берегу, — деревня Муя. Это уже территория Мгинского городского поселения Кировского района.

Муя — поселение древнее. Впервые она упоминается в Переписной окладной книге Водской пятины 1500 г. как «деревня Мья большой двор на реке на Мье» в Никольском Ярвосоляском погосте⁴³. Названия реки и деревни тождественны. В результате иногда в различных публикациях и документах факты, принадлежащие к многовековой истории Муи, случайно или намеренно проецируются на посёлок Мга, которому исполнилось всего лишь 115 лет.

Зная и понимая это, ошибиться невозможно. Поэтому именно к деревне Муя относится информация о том, что до «новгородского вывода», то есть переселения новгородской знати за пределы Новгородской земли, предпринятого великим князем Московским Иваном III, она принадлежала новгородскому боярину Якову Губину-Селезневу⁴⁴.

На шведской карте Ингерманландии 1678 (1704) г., обозначены деревня *Muja*, находящаяся в некотором удалении от реки, и деревня *Mujagarha*, примерно соответствующая нынешней деревне Муе.

На карте Ингерманландии И. К. Кирилова 1727 г., а затем и на других дореволюционных картах и в справочниках деревня обозначена под названием *Мга*. На карте Санкт-Петербургской губернии Ф. Ф. Шуберта 1834 г. к северу от деревни Мга, на берегу реки, обозначен полумызок *Александровской Дубенской* (на его же карте 1855 г. — просто *Александровской*). Его название происходит от имени и фамилии основателя, владельца части Шапкинского имения — Александра Яковлевича Дубянского (1771–1851). Участник Отечественной войны 1812 г., после — Шлиссельбургский уездный предводитель дворянства, он был похоронен в Покровской церкви в Шапках.

В 1856 г., деревня Мга (число дворов — 22, число душ — 77) и ряд других принадлежали «г<оспоже> Марковой»⁴⁵. Это Любовь Александровна, урождённая Дубянская (1807?–1891), дочь А. Я. Дубянского, жена тайного советника Петра Ивановича Маркова⁴⁶. Александровской полумызок не следует смешивать с имением Александровка, основанным на небольшом расстоянии от усадьбы Шапки А. Я. Дубянским и также перешедшим к его дочери⁴⁷.

В первой половине XX в. название деревни (в частности, на карте Петроградской губернии 1916 г.) — по-прежнему Мга. Но на значительном удалении от неё уже более 10 лет существует

⁴³ Переписная оброчная книга Вотской пятины 1500 года. Т. 3. Спб., 1868. С. 433.

⁴⁴ См., например: Обосновывающие материалы к схеме теплоснабжения Муниципального образования Мгинское городское поселение [Мга, 2012]. С. 10 (mga.lenobl.ru/Files/file/obosnovvayushie_materialu_k_st_mginskogo_gp.pdf).

⁴⁵ Список 1856 г. С. 10.

⁴⁶ Малюшкина О. Хозяйка Царицыной горы // Тосненский вестник. 2011. 24 декабря.

⁴⁷ Подробнее об истории имения Александровка см.: Мурашова Н. В., Мыслина Л. П. Указ. соч. С. 243–251; Киселева Т. Ф., Маврина А. Ю. Указ. соч. С. 229–278.

ж.-д. станция Мга с дачным посёлком при ней (о чём ниже), что неизбежно создаёт известные неудобства. Поэтому, очевидно, уже после революции, происходит изменение её названия, поначалу нестабильно.

Так, в Справочнике 1933 г. деревня упомянута дважды. Сначала как *Муя* — административный центр Турышкинского сельсовета Мгинского района, затем как *Муя* — в составе поселений этого сельсовета⁴⁸. В аналогичном справочнике спустя три года — уже только как *Муя*⁴⁹. Под тем же названием она обозначена на карте Ленинграда с окрестностями 1939 г.⁵⁰ и упомянутой выше генштабовской карте 1941 г.

Однако уже на карте Генштаба 1942 г. деревня (она тогда находилась под оккупацией) подписана как *Муя*.

Оба варианта сосуществовали ещё какое-то время. Например, на карте окрестностей Ленинграда из атласа СССР 1947 г. значится *Муя*⁵¹. Но после войны окончательно утверждается название *Муя*. В это время деревня относилась уже к Лезьенскому сельсовету Мгинского района. После упразднения последнего в 1960 г. сельсовет был передан в Тосненский район, а в 1977 г. — вновь образованный Кировский район.

С восточной стороны к деревне Муя почти вплотную примыкала деревня *Старостино*. Она уже давно снята с учёта (решение Леноблсовета от 5 февраля 1971 г.), её территория включена в Мую под названием *улицы Старостино*, од-

нако деревня до сих пор порой наносится на карты как самостоятельно существующая.

Напротив Муи на правом берегу Мги расположена деревня *Турышкино*. На карте Нотеборгского лена П. Вассандера 1699 г., начерченной с оригинала 1-й трети XVII в., *Toruskina* нанесена на существенном удалении от реки⁵². Точно так же она подписана и на карте Ингерманландии А. И. Бергенгейма 1676 (1827) гг. На карте Ижорской земли А. Шонбека 1705 г. — *Турускина*.

Название деревни имеет распространённый русский формант, а возникла она предположительно в то же время, что и Ерзуново — в XVI в. **Стоит она вблизи удобного брода на древнем участке Ореховской дороги, ныне спрямлённом, на камовом холме, называемомся *Мочалина гора*.**

На карте Ингерманландии И. К. Кирилова 1727 г. деревня *Турышкино* зрительно нанесена в другом месте: западнее, хотя и на том же правом берегу. Примерно так обозначена она и на карте Ингерманландии и Карелии 1735 г. Как видим, название уже тогда приняло современную форму, но пока не устоялось. Обозначенная на карте Я. Ф. Шмита 1770 г. на месте, которое соответствует её современному положению, деревня подписана как *Туришкина*. На последующих картах XIX — **начала XX в. эта форма сохраняется.**

В 1838 г. Туришкина была в числе владений действительной тайной советницы

⁴⁸ Справочник 1933 г. С. 52, 283.

⁴⁹ Справочник 1936 г. С. 320.

⁵⁰ www.etomesto.ru/map-peterburg_1939len-okrest/?x=31.035940&y=59.630655.

⁵¹ www.etomesto.ru/map-peterburg_1947obl/?find=1&z=1&x=31.22727631735&y=59.672801414228.

⁵² www.aroundspb.ru/maps/ingermanland/163x/inger163x_04.jpg.

княгини Татьяны Васильевны Юсуповой⁵³, урождённой Энгельгардт (1769–1841) — племянницы светлейшего князя Г. А. Потемкина, в 11 лет ставшей фрейлиной императрицы Екатерины II. В 1793 г. Татьяна вышла замуж за князя Николая Юсупова; у них родился сын Борис (1794–1849), но брак не сложился, и супруги жили раздельно. Княгиня Т. В. Юсупова купила Турышкино и ещё несколько окрестных деревень в 1837 г. с публичного торга⁵⁴.

В 1856 г. деревня значится как *Турушкина* (но опечатка ли это?), принадлежащая князю Юсупову⁵⁵ — уже Николаю Борисовичу (1827–1891), сыну Бориса Юсупова и Зинаиды Ивановны Нарышкиной.

Очевидно, ошибочно написание *Турышкина* на карте промышленности Санкт-Петербургской губернии 1853 г., составленной Н. Оверченко⁵⁶.

Вновь форма *Турышкино* встречается в 1862 г.⁵⁷, а затем на карте Петроградской губернии 1916 г. Отметим, что на этой карте названия почти всех населённых пунктов с вариативным написанием имеют форманты *-ино*, *-ово*, вскоре окончательно утвердившиеся как основные.

Остановочный пункт на Мологско-Рыбинской железнодорожной линии был открыт здесь в 1932 г. — сначала под обозначением *Платформа 14 км*⁵⁸, затем — *Турышкино*⁵⁹, а с начала 1950-х гг. почему-то *Турышино* — название, которое в официальных изданиях железной дороги используется до сих пор⁶⁰.

В довоенный период деревня входила в состав Турышкинского сельсовета Мгинского района, упразднённого в 1939 г. с присоединением к Лезьенскому сельсовету. После последней муниципальной реформы Турышкино входит в состав Мгинского городского поселения.

Считается, что название деревни происходит от слова *турышка*, которое согласно толковому словарю В. И. Даля означает «бурак, туес берестовый, долгий, облый кузовок с деревянным дном и крышкой с дужкой»; возможно, оно связано с соответствующим промыслом⁶¹.

К западу от Турышкина, на том же правом берегу, — деревня *Петрово*. Здесь оканчивается спрямление, сделанное от Шапок, и современное шоссе в целом вновь следует направлению древней Ореховской дороги.

Деревня *Petrova* на Мге нанесена на карте П. Вассандера 1699 г., но значи-

⁵³ Описание 1838 г. С. 76.

⁵⁴ www.itaka.spb.ru/mga-blagoveshchenskoe.

⁵⁵ Список 1856 г. С. 12.

⁵⁶ regionavtica.ru/userfiles/af_library_files/_src/spb_industry_map_1853-1.jpg.

⁵⁷ Список 1862 г. С. 190.

⁵⁸ Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Вып. 21. Зимнее движение 1932/33 гг. С 1 окт. 1932 г. Табл. 55.

⁵⁹ Там же. Вып. 25. Зимнее движение 1934/35 гг. С 15 окт. 1934 г. Табл. 55.

⁶⁰ См.: *Архангельский А. С., Архангельский В. А.* Указ. соч. С. 176; *От Выборга до Новгорода*. С. 84; *Железные дороги: Россия и сопредельные государства: Атлас*. Омск, 2012. С. 9.

⁶¹ *От Выборга до Новгорода*. С. 84.

тельно ниже по реке, приблизительно на месте современной деревни Пухолово. На данном же месте на шведских картах показана деревня *Kokula*, на Географическом чертеже Ижорской земли А. Шонбека 1705 г. — *Какала*. Потом она исчезает более чем на век и вновь появляется только на карте Санкт-Петербургской губернии Ф. Ф. Шуберта 1834 г. как *Петрова*. В той же форме она учтена на большинстве карт и в справочниках XIX в.

Как и Турышкино, деревня также принадлежала княгине Татьяне Юсуповой, а затем князю Николаю Юсупову⁶².

Впервые в форме *Петрово* деревня приведена в Справочнике 1856 г., но

в следующий раз, насколько установлено, — только на карте Петроградской губернии 1916 г. Окончательно последняя форма названия утвердилась в советское время, когда деревня входила в состав Лезьенского сельсовета Мгинского района, затем Тосненского и Кировского районов. В настоящее время она в составе Мгинского городского поселения.

Название *Петрово*, учитывая давность его существования, может происходить как от имени (фамилии) первопоселенца или владельца, так и от фамилии.

В следующей статье мы продолжим путешествие по реке Мге до её устья.

⁶² Описание 1838 г. С. 76; Список 1856 г. С. 11.

Т. В. Шмелева (Великий Новгород)

КУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА УВЕКОВЕЧЕНИЯ И ОНОМАСТИКОН ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Практика увековечения (мемориализации¹) и поддержания памяти (коммеморации²) составляет важную часть культуры и всегда находится в центре общественного внимания, хотя в научном плане отрефлектирована недостаточно, что отчасти объясняет избыточную эмоциональность дискуссий вокруг связанных с нею тем. Не намереваясь в рамках данной статьи полностью решить эту проблему, хочу тем не менее сформулировать некоторые соображения, необходимые для осмысления этой практики применительно к новгородским реалиям.

Прежде всего следует подчеркнуть, что увековечение — начальный акт коммеморации, и потому о нём можно говорить как об особой практике, обратив внимание на субъекты, объекты и инструментари (техники) увековечения, иначе говоря, попытаться ответить на вопросы, кто, что и как увековечивает. Конечно, важен и мотив увековечения, но здесь ему будет уделено минимальное внимание, хотя он заслуживает особого изучения как в истории, так и в современности.

Субъектом увековечения в принципе может выступить любой человек, начертав где-либо надпись «Здесь был Вася». Традиция эта не нова — Пушкин,

рассматривая заброшенную крепость в Большой Кабарде, «нашёл несколько неизвестных имен, нацарапанных на кирпичках славолубивыми путешественниками»³. С тех пор число таких «путешественников» только увеличивалось хотя бы потому, что росла масса способных собственноручно написать столь простой текст. Несмотря на давность традиции, такое увековечение не только не поощряется, но осуждается как контркультурное. Культурным же признается увековечение официальное, по решению властей.

Итак, право на увековечение монополизировано государством (формирование этой монополии изучено на

¹ Это слово фиксируется только в Большом орфографическом словаре, но воспринимается как естественное образование в корневом гнезде *мемориал, мемориальный*, восходящем к латинскому слову *memoria* (память). Как термин слово широко используется в культурологии.

² Нора П. Эра коммеморации // Франция — память. Пер. с франц. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. Из отечественных авторов это понятие используют Еремеева С. Монументальная память // Отечественные записки. 2008. № 4. www.strana-oz.ru/2008/4/monumentalnaya-pamyat; Она же. Монументальные практики коммеморации в России XIX и начала XX века // Образы времени и исторические представления. Россия — Восток — Запад. М., 2010. С. 885–927; Макашова А. С. Праздник как место памяти // Концепты культуры и концептосфера культурологии. СПб., 2011. С. 326–327.

³ Пушкин А. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Пушкин А. Сочинения: В 3 т. Т. 3. Проза. М., 1987. С. 378.

примере писательских памятников⁴) и предусматривает особые юридические условия его реализации. Это право делегируется местным властям, которые в собственном городе/селе принимают конкретные решения об увековечении и реализуют его. Гражданам остается только высказывать идеи о необходимости увековечить что-то или кого-то и обсуждать результаты проделанной работы, особенно теперь, когда есть возможность высказываться в Интернете.

Объектами увековечения выступают главным образом люди — как персоны и как сообщества (ср.: Ленин, 26 бакинских комиссаров или вообще все павшие герои). Надо сказать, что круг объектов такой практики в последнее время расширяется: в него стали включать литературных персонажей (Остап Бендер, Чижик-пыжик, Нос, Заяц на Заячьем острове в Петербурге), но это предмет особого культурологического рассуждения, имеет ли здесь место увековечение.

Наряду с персонами увековечиваются события и даже даты. Так, в Москве есть *площадь Революции, улица Борьбы, улица Вторая пятилетка*, с одной стороны, и *улица 800-летия Москвы, проспект имени 60-летия Октября*⁵ — с другой. Разумеется, это не специфика столицы: последний урбаном из этого списка, как можно убедиться с помощью Интернета, есть в Красноярске, Хабаровске, Саранске и многих других городах; а, скажем, *парк имени 30-летия ВЛКСМ* — в Петербурге, Омске, Витебске, Караганде.

Таким образом, в качестве объекта увековечения выступают персоны, группы людей, события и даты этих событий. Поэтому можно говорить о разных ви-

дах увековечивания: персональном, коллективном, событийном и датойказательном; все эти виды мы отметим при рассмотрении новгородских реалий.

Наиболее интересен и важен вопрос об инструментари (техниках) увековечения, которые размещаются в разных «пространствах» — коммуникативном и физическом.

В коммуникативном пространстве, которое понимается здесь традиционно — как область речевых коммуникаций, «работают» тексты, в том числе исторического нарратива (например, книги серии ЖЗЛ), медиатексты, стихи и устные рассказы. В этом пространстве располагаются и коммуникативные события: памятные митинги, собрания, церемонии вручения наград. Так, в современной России награждают орденами Александра Невского, Суворова, Ушакова, Кутузова, Жукова, что становится одной из форм увековечивания названных персон. В коммуникативном пространстве преобладают визуальные и словесные техники.

В пространстве физическом наиболее очевидной точкой увековечения оказывается место погребения увековеченного, там устанавливаются знаки памяти и иногда целые сооружения (мемориалы). Но постепенно едва ли не всё мыслимое пространство вовлекается в эту практику, включая космос, где именами знаменитых людей называют планеты. Наиболее репрезентативным все-таки представляется обитаемое, городское пространство, где «пространство памяти и физическое пространство пересекаются: память визуализируется, а пространство, прежде аморфное и безымянное, обретает

⁴ Еремеева С. Указ. соч.

⁵ Имена московских улиц. Топонимический словарь. М, 2007. С. 26, 87, 124, 438, 578.

новый смысл. Издавна место считалось обжитым с момента появления кладбища. В новое время город обретает новый культурный статус с появлением памятников знаменитым согражданам»⁶. В городском пространстве используются визуальные техники, в том числе пластические, архитектурные и словесные.

Как видим, общим для обоих пространств оказывается увековечение с помощью именованности объектов в память о персоне / группе людей / событиях. В результате этой практики рождается масса имен собственных мемориального характера (меморативов), что позволяет считать её ономастической практикой, связанной с языковой культурой и общими принципами словесности. Именоваться в честь увековеченного могут города и поселки, школы и библиотеки, заводы и фабрики, аэропорты... Но более всего — элементы городского пространства: площади, улицы, переулки...⁷. Это и объясняет обращение к городскому ономастическому.

Приоритетным данный инструмент становится в XX в.: именованности увековечиваемых проникают во все поры жизни: адресные таблички, документы, медиатексты, устные разговоры и художественные тексты. В итоге не только наше обитаемое пространство стало напоминать поминальный список (мартиролог), но и в сознании людей этот факт закрепился как обязательный и весьма значимый.

Следует отметить, что анализ практики увековечения приводит к констатации того, что наряду с этим действием существует и обратное — «разувековечение», сейчас о нём мы читаем в новостях с Украины («ленинопад») или из Польши (демонтаж памятника Черняховскому). Подобные факты всегда производят сильное впечатление, так как увековечение — важный элемент картины мира, её аксиологический фон, а разувековечение — почти всегда культурная и социальная травма. Словесное разувековечение — переименование — связано с неменьшими травмами, часто планируемыми, что даёт основание понимать его как ритуал расчетов с прошлым⁸. При этом важно подчеркнуть, что и возвращение имён не становится торжеством справедливости, а наносит новые травмы людям, выросшим в прежнем топонимическом ландшафте, который для них оказывается единственным и биографически дорогим.

Итак, культурная практика увековечения (мемориализации), как видно даже из этого краткого обзора, связана со словесностью, ономастикой, семиотикой города, психологией горожанина, государственной идеологией и соответствующей политикой. Это говорит о том, что изучать эту практику следует в рамках многоаспектных исследований, которые могли бы стать основой для принятия решений властями всех уровней. Будучи в центре общественного внимания, вызывая го-

⁶ Еремеева С. Указ. соч.

⁷ Подробнее этот аспект увековечения рассмотрен в статье: Шмелева Т. В. Увековечение как культурная практика и ее словесный компонент в русской культуре (в печати).

⁸ Подробнее см.: Шмелева Т. В. Переименование как ритуал расчетов с прошлым // Бренное и вечное: социальные ритуалы в мифологизированном пространстве современного мира. Матер. Всерос. науч.-практ. конф. 21–22 окт. 2008 г. Великий Новгород, 2008. С. 383–386.

рячие дискуссии, эта практика часто осуществляется недостаточно продуманно, поспешно, без учета всех аспектов проблемы и социокультурных последствий.

Анализ новгородских реалий с использованием обозначенных понятий можно провести, поскольку мы располагаем описаниями имён городского пространства начиная с XVII в.⁹ Особый интерес представляет в данном случае последнее описание улиц — с XVIII по XXI в.¹⁰ Опираясь на эти описания, а также на наблюдения за городской средой и процессами ее мемориализации, отразившимися в средствах массовой информации, можно выявить следующую картину.

До начала XX в. городское пространство Новгорода в практику увековечения не вовлекалось: его имена были ориентирующими (как *Никитская улица* — «по правую сторону церкви великомученика Никиты») или характеризующими (как *Щитная улица*, где жили мастера, делавшие щиты).

Однако в советскую пору мемориализация приобретает взрывообразный характер. Новгород пережил две волны увековечения. Уже решением Губисполкома от 30 апреля 1919 г. были переименованы 27 улиц, и таким образом увековечены Либкнехт, Урицкий, Чернышевский, Бебель, Свердлов, Толстой, Желябов, Роза Люксембург, Максим Горький, Володарский, Луначарский, Шмидт, Лассаль, Нахимсон, Маркс¹¹. Не обошлось и без событийной мемориализации: в городе появилась *слобода*

25-го Октября (на месте *Воскресенской слободы*), а *Софийская площадь* стала площадью 9-го Января. Интересно, что события не обозначались, а только датировались, хотя они известны как Великая Октябрьская социалистическая революция и Кровавое воскресенье (1905 г.).

Так выглядела в Новгороде первая волна советской мемориализации, от которой сейчас практически не осталось следов. Понятно, что преобладала персональная мемориализация — полтора десятка новых для города имен, к тому времени, как можно предположить, ещё почти незнакомых новгородцам. Просмотрев список, легко догадаться, что никто из увековеченных не связан с Новгородом.

Вторая волна вновь начинается с переименования Софийской площади: 1 апреля 1946 г. она становится площадью *Победы*, что нельзя истолковать иначе, чем как стремление увековечить произошедшее за год до этого событие. Что касается персональной мемориализации, то для нее теперь отбираются имена воевавших под Новгородом или за Новгород — таковы новые представления о региональном увековечении.

Оно начинается, видимо, с имени Лёни Голикова и происходит не позднее 1957 г. Установить более точную дату не удаётся из-за того, что документированной информации крайне мало. На Торговой стороне есть «куст» объектов, носящих имя Лёни Голикова: улица, бульвар и проезд. Документально подтверждено лишь присвоение

⁹ Шмелева Т. В. Имена городского пространства Великого Новгорода в зеркале трех описаний // Вестник НовГУ. Гуманитарные науки. 2014. № 83. Ч. 1. С. 106–110. www.novsu.ru/file/1139051.

¹⁰ Запольская О. В., Моисеев С. В. Улицы Великого Новгорода. Великий Новгород, 2010.

¹¹ Там же. С. 159.

наименования проезду (решение Горисполкома № 23 от 28 января 1957 г.)¹², но он описывается как параллельный одноимённой улице, значит, улица Лёни Голикова уже существовала. Сегодня проезда нет, да и бульвар — мифический, хотя его и представляют «самым протяжённым»¹³, но для истории увековечения партизана Голикова это важные места. В 1964 г. ему был воздвигнут памятник по проекту Н. Томского рядом с Домом советов, его имя присвоено Дворцу творчества детей и юношества (есть мемориальная доска); его именем названы улицы в Старой Руссе, Петербурге, Пскове и других городах.

Основной состав имён героев войны появляется на карте Новгорода в середине 1960-х гг. — во время подготовки к 20-летию Победы: в 1964 г. были присвоены имена Герасименко, Красилова, Телегина, Черемнова, а в 1965-м в городе появляются улицы Бредова, Германа, Панкратова, Чернышевского¹⁴. В 1976 г. к ним добавилась улица Вересова¹⁵, но в целом это явление 1960-х, что объясняется мероприятиями советской власти, связанными с празднованием двадцатилетия окончания войны.

В дальнейшей истории города можно отметить лишь единичный факт мемориализации в 2002 г. мэра А. Кор-

сунова — переименование в его память *Григоровского шоссе*, что до сих пор переживается новгородцами как травма. Это проявляется при каждой новой дискуссии о наименованиях или переименованиях улиц.

В 2010 г. власть попыталась увековечить присвоение городу звания «Город Воинской славы» путём переименования *проспекта Маркса*, что вызвало активнейшие дискуссии, в том числе с участием горожан, одни из которых защищали «Карлуху», а другие выступали против «героизации» места, к тому не располагающего. В итоге появился *Воскресенский бульвар*, что хоть и разувекочивало Маркса, но исключало «героизацию»¹⁶.

Важный момент в истории мемориализации: все имена, увековеченные в 1964–1965 гг., кроме имени Чернышевского, исчезли с карты города в 1991 г. в ходе возвращения средневековых названий¹⁷, что воспринималось как разувекочивание героев и тяжело переживалось частью городской общественности. Хотя в ходе разувекочивания советского наследия были переименованы и улицы Лермонтова, Пушкина, Толстого, Горького, именно имена героев потребовали вернуть. В результате решением городской управы № 102 от 3 сентября

¹² Дата указана в Реестре наименований элементов улично-дорожной сети городской администрации (на 7 апреля 2009 г.), она же указана в: *Запольская О. В., Моисеев С. В.* Указ. соч. С. 47. В других публикациях дата не фигурирует.

¹³ *Смирнова А.* Юный партизан Лёня Голиков // Новгород. 19.03.2015.

¹⁴ *Зайцев И. А., Кушир И. И.* Улицы Новгорода. Л., 1980. С. 35, 60, 122, 127; 28, 36, 96, 129. Информация подтверждается и в: *Запольская О. В., Моисеев С. В.* Указ. соч. С. 46, 74, 134; 35, 46, 105, 144.

¹⁵ *Запольская О. В., Моисеев С. В.* Указ. соч. С. 38.

¹⁶ Подробнее см.: *Шмелева Т. В.* Переименование улиц сегодня: новые аспекты проблемы // Новый топонимический журнал. 2010. № 4. С. 44–48.

¹⁷ *Запольская О. В., Моисеев С. В.* Указ. соч. С. 164.

1993 г. в городе появились 10 компромиссных названий улиц, объединяющих имена героев и средневековые названия: *Бредова-Звериная, Мусы Джалиля-Духовская, Каберова-Власьевская, Литвинова-Лукина, Мерецкова-Волосова, Телегина-Редятина, Герасименко-Маницына, Тимура Фрунзе-Оловянка, Черемнова-Конюхова*¹⁸. Возглавляет этот ряд *площадь Победы — Софийская*, которой к возвращенному дореволюционному имени добавили в 2005 г. отвергнутое ранее советское.

Эти уникальные имена уже приходилось анализировать с лингвистической точки зрения¹⁹, здесь же важно подчеркнуть, что это отнюдь не лучший способ увековечения: в ономастических комплексах фамилии не отделяются от притяжательных прилагательных (Черемнова-Конюхова), они впадают в единую номинативную единицу и растворяются в ней. Кто-то считает, что «лучше так, чем никак», но есть основания в этом сомневаться.

Интересно, что в 1999 г. было восстановлено имя *Пушкинской улицы*, которой в 1991 г. возвратили название *Лубянка*²⁰, но оно не прижилось, и жители потребовали вернуть советское наименование, тем более что в нём ничего советского, по существу, и нет.

Однако такими компромиссами «травма разувекочивания» не была ликвидирована. Так, не раз на топонимической комиссии приходилось слышать требование вернуть на карту города имя Гагарина (*проспект Гагарина* в 1991 г.

был переименован в *улицу Федоровский ручей*).

Но самое удивительное, что сама необходимость увековечивания через именование улиц как стереотип сознания не исчезает и возникает каждый раз, как только стоит проблема что-то назвать. Так, в 2009 г. при выборе имени для *Колмовской набережной* был предложен список из 30 персон. Спустя шесть лет возникает ситуация называния «третьего моста», и вновь обсуждается, что именно его названием можно увековечить: воссоединение с Крымом, 70-летие Победы, какого-нибудь знаменитого новгородца? К счастью, ещё не построенному мосту дано ориентирующее название *Деревяницкий*, но именно эти дискуссии актуализировали проблему и вызвали к жизни эту работу.

Сегодня в ономастике города, который составляет немногим больше 200 единиц, увековечено 23 героя войны, а кроме того — деятели культуры (Державин, Рахманинов, Пушкин) и деятель власти (Корсунов). Значит, каждая десятая улица — меморатив.

Конечно, нельзя сказать, что из всех инструментов мемориализации используется только городской ономастикон. Так, городская газета «Новгород» «в партнерстве с МБУК «Библионика» и при поддержке отдела по делам молодежи комитета культуры и молодежной политики администрации Великого Новгорода» 5 февраля 2015 г. открыла рубрику «Улица имени героя», где А. Смирновой была опубликована серия материалов

¹⁸ Там же. С. 168.

¹⁹ *Шмелева Т. В.* Советские имена улиц в современном городе // Советское прошлое и культура настоящего. Моногр.: В 2 т. / Отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург, 2009. Т. 2. С. 322–331.

²⁰ *Запольская О. В., Моисеев С. В.* Указ. соч. С. 115; 169–171.

(выложены в архиве номеров газеты: gazetanovgorod.ru/gazetnye-materialy-2015). Так в этот процесс включаются медиатексты.

Наиболее эффективными нам кажутся способы мемориализации, сочетающие словесные, визуальные и пластические техники. Так, на *улице Панкратова* 28 октября 2015 г. был установлен его бюст, что существенно изменило характер городской среды в этом «нецентральном» районе — появился сквер²¹. Обсуждается место установления бюста Якова Павлова, знаменитого защитника Сталинграда²², в то время как его имя уже носит одна из улиц нашего города.

В качестве вывода из сказанного стоит ещё раз обратить внимание на то, что инструментарий увековечения довольно широк, и использовать исключительно городской ономастикон не только неправильно по отношению к нему²³, но и недостаточно эффективно в плане мемориализации. Именно сейчас, когда память о войне отодвигается во времени, необходимо как можно больше книг, статей, обсуждений в эфире радио- и телевизионных программ, чтобы память о героях войны жила в сознании новых поколений. А это задачи для историков, журналистов, писателей, и они гораздо серьезнее, чем повесить на домах такой-то улицы табличку с именем героя.

²¹ Воробьев Д. За мужество, стойкость, героизм // Новгород. 29.10.2015. С. 1. gazetanovgorod.ru/gazetnye-materialy-2015/item/33123-za-muzhestvo-stojkost-i-geroizm. См. информацию об этом на интернет-ресурсах: news.novgorod.ru/news/144613/; regnum.ru/news/1948384.html; 53news.ru/novosti/21474-v-velikom-novgorode-otkryli-pamyatnik-geroyu-sovetskogo-soyuz-a-aleksandru-pankratovu.html.

²² Воробьев Д. В Великом Новгороде появятся три бюста героям Великой Отечественной войны // Прямая речь. 25.02.2015; pryamayarech.ru/text/currenttiv-velikom-novgorode-roy-1; Ваганова Л. В Великом Новгороде собирают деньги на установку трех бюстов героям Великой Отечественной войны // Прямая речь. 25.03.2015; pryamayarech.ru/text/currenttiv-velikom-novgorode-sob; Кобяков А. Бюст Якова Павлова, который должны были установить в Новгороде, может отправиться в Валдай // Ваши новости. 30.09.2015; vnnews.ru/culture/45344-byust-yakova-pavlova-kotoriie-doljni-bili-ustanovit-v-novgorode-mojet-otpravitsya-v-valdaie.html.

²³ Эксперт: Улицы Великого Новгорода — это не городская мемориальная доска / интервью О. Лариной с Т. В. Шмелевой // Regnum. 27.08.2009. www.regnum.ru/news/1200129.html.

Д. В. Петров

Вице-президент Фонда поддержки исторических традиций «Возвращение», к.ю.н.

ОБРАЩЕНИЕ К ИСТОРИЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ КАК ФАКТОР ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

(на примере возвращения названий
Гатчины и Павловска в 1944 г.)

«Конструктор технического отдела т. Rogov при подаче заявления о добровольном поступлении в армию заявил, что он идет воевать за Россию, но за 4 буквы (СССР) воевать не будет».

СОВЕТСКИЙ ПОВОРОТ К ИСТОРИКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКЕ

Приведённая в эпиграфе цитата взята из закрытой партинформации Выборгского райкома ВКП(б) Ленинграда от июля 1941 г.¹ Подобные справки о настроениях граждан, подготовленные органами НКВД, регулярно ложились на столы соответствующих партийных руководителей. Из многих подслушанных разговоров становилось ясно: идеологический проект защиты «социалистического Отечества» не послужит надёжной опорой в борьбе с фашистским агрессором. Попросту говоря, слишком многие советские граждане понимали необходимость защиты Родины, но не готовы были жертвовать собой ради дела «Ленина — Сталина» и «великого Октября». Риск поражения в войне вынудил руководителей СССР кардинально изменить риторiku в общении с народом. Следовало найти те темы и мотивы, которые задевали бы глубинные струны народной души и истори-

ческого сознания. Не случайно первое военное выступление Сталина 3 июля 1941 г. начиналось немислимим для мирного времени христианским обращением: «Братья и сестры!».

Для успешной мобилизации широких слоёв населения на борьбу с внешним врагом с 1942 г. происходит поворот от «советского патриотизма» к многовековой истории страны, включая совсем недавно ненавистный царский режим. Требовалось доказать ещё вчера немислимое: что история не начала течение своё с 1917 г., что Советский Союз — это закономерная форма развития исторической (дореволюционной) России. Именно в рамках этого поворота в советской агитации и пропаганде всё больше в положительном и даже хвалебном контексте начинают говорить о досоветских военачальниках: учреждаются ордена Кутузова, Суворова, Александра Невского, позднее — Нахимова и Ушакова. Реабилитируется термин «офицер», вновь заменивший

¹ Из партинформации Выборгского райкома ВКП(б) Ленинграда № 30 от 25.07.1941 «Об отдельных антисоветских разговорах среди рабочих на заводе им. Фр. Энгельса по состоянию на 24.7. 1941» // ЦГАИПД СПб. Ф. 2. Оп. 2. Д. 691, Л. 65.

понятие «красный командир», а ведь с первых советских дней под «офицером» понималось «социально чуждое лицо», подлежащее преследованию. Вместо советских знаков воинского различия (треугольники, ромбики, квадраты на петлицах) в 1943 г. возвращаются «царские» погоны. Начинается заигрывание с оставшимися в живых после репрессий представителями Русской Православной Церкви, апофеозом которого стала встреча Сталина с иерархами в сентябре 1943 г.; открываются некоторые уцелевшие храмы. Риторика исторических корней борьбы русского народа с иноземными захватчиками постепенно замещает господствовавшую два десятилетия до того риторику мировой революции, коммунистического интернационала (Коминтерн был ликвидирован также в 1943 г.).

Эпизодическое движение в сторону частичной «реабилитации» дореволюционного мира начиналось ещё с середины 1930-х гг. (от возрождения рождественских ёлок под видом новогодних до кинофильмов про Петра Первого и Александра Невского; реформа воинских званий), но риск военного поражения заставил советскую власть максимально усилить использование этих мотивов. С другой стороны, заслуживает внимания и замечание о. Георгия Митрофанова:

«Сталину было приятно ощутить себя не только наследником революционеров, но наследником властителей, которые были в Той стране, которую он со своими подельниками в 1917 году захватил. Там могла быть даже своего рода ностальгия...»².

Характерным признаком этой «политики военного времени» стал поворот

1944 г. к возвращению исторических названий. Его почти полная уникальность в истории СССР ещё раз подтверждает: топонимия оставалась в руках советской власти орудием идеологического воздействия.

ТОПОНИМИЯ НА СЛУЖБЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

С 1918 г. и до конца 1980-х названия в СССР (от названий городов и улиц до имён заводов и кораблей) активно использовались для насаждения советской идеологии. Естественно, что эта работа проходила в русле «стирания» памяти о дореволюционном периоде истории России (исторические названия в советских документах нередко именовались «устаревшими» и «старорежимными») и продвижения поддерживаемых на текущий момент штампов, персоналий и даже организаций, подлежащих восхвалению. Названия в СССР в значительной степени потеряли своё прикладное значение (ориентация в пространстве и в истории) и стали, как и вся сфера культуры, способом целенаправленного воздействия на «сознание масс».

По тому, как менялись названия одного и того же объекта в СССР, можно без труда угадать, какие метаморфозы претерпевала советская идеология, кто из исторических персон попал в опалу, а кто, наоборот, оказался «реабилитированным». Так, *Большой проспект Васильевского острова* в Петрограде сначала стал проспектом имени Фридриха Адлера, а позднее — проспектом *Пролетарской Победы*. Другой пример: 1937 г., текст секретной докладной главного редактора «Ленинградской правды» на

² vozvr.ru/tabid/248/ArticleId/1332/language/ru-RU/Default.aspx.

имя А. А. Жданова хорошо показывает суть этого подхода:

«В номере «Ленинградской правды» от 28 июля допущена ошибка: упомянуто название «Фабрика им. Бела Куна», в то время как оказывается, Бела Кун разоблачен как враг. Произошло это потому, что ни я, ни мой заместитель не были осведомлены о факте разоблачения Бела Куна как врага. С другой стороны возникает вопрос о переименовании многих объектов (заводов и пр.), носящих до сих пор имена людей, которые оказались врагами. Названия этих фабрик, заводов и пр. до сих пор ходят по городу без всяких изменений. Было бы целесообразно выделить комиссию, которая бы произвела переименование объектов, носящих имена людей, разоблаченных как врагов»³.

На топонимических вкусах советской власти отразился и кратко описанный выше военный поворот к историко-патриотической риторике. Впервые за советский период произошло массовое возвращение исторических названий. Это случилось в 1944 г. в блокадном Ленинграде: партия одобрила предложение главного архитектора города Н. В. Баранова о возвращении прежних имён двадцати улицам и площадям Ленинграда⁴. Из документов мы знаем, что инициатор руководствовался историко-культурными мотивами и искусно воспользовался моментом, когда неприкосновенные дотолде имена «революционного пантеона» в глазах партийного руководства померкли перед историческими названиями, очень значимыми для каждого ленинградца. Уникальность этого события для СССР состояла и в том, что переименование не было

следствием идеологического развенчания соответствующих лиц и понятий: с карты советского города исчезли имена Урицкого, Володарского, Плеханова, Железнякова, ряда других революционеров, включая и самого Ленина. Также исчезли отсылки к «Красным командирам», «Пролетарской победе», «25 Октября» (то есть к советской святой святых — к Октябрьскому перевороту 1917 г.) и пр. Благодаря этому в сегодняшнем Санкт-Петербурге эти имена больше не ассоциируются с *Дворцовой площадью*, *Литейным проспектом*, *Казанской площадью*, *Малым проспектом Васильевского острова*, *Пискаревским*, *Измайловским* и *Невским проспектами* соответственно. До самого конца 1980-х гг. возвращение названий в период войны оставались единственным массовым случаем поворота к исторической топонимике (также в 1944-м были восстановлены отдельные имена в освобожденных Киеве, Харькове, Одессе). Более того, когда уже в послевоенный период идеологический прессинг вновь усилился, под «репрессии» в числе сотни исторических названий в Ленинграде попала и возвращенная в 1944 г. *Введенская улица* (до 1991 г. — *улица Олега Кошевого*).

ГАТЧИНА И ПАВЛОВСК

Однако «момент топонимической истины» 1944 г. затронул не только городские улицы. Многие ли помнят, что прекрасные города-спутники Санкт-Петербурга — *Павловск* и *Гатчина* — при советской власти долго носили иные имена? Павловск с 1918 г. именовался *Слуцком* в честь революционерки Веры

³ Докладная Троицкого от 29.07.1937 // ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2в. Д. 2305. Л. 47.

⁴ Подробнее см.: *Петров Д. В.* На углу «3 Июля» и «25 Октября»: блокадный поворот топонимии // Топонимический альманах. 2015. № 1. С. 1–14.

Слуцкой. Гатчина же успела сменить название дважды: с 1923 по 1929 г. она побывала *Троцком* в честь Льва Троцкого, а после того как в 1929 г. он был объявлен политическим изгоем, в полном соответствии с советскими топонимическими канонами город переименовали в *Красногвардейск*.

Быть может, Сталина натолкнуло на мысль о возвращении этим городам исторических названий именно поступившее на согласование в конце 1943 г. предложение ленинградского обкома

о возвращении названий улиц? (Возвращение Невского, Садовой и т. д. было согласовано на уровне руководства СССР!) Но с Павловском и Гатчиной история выглядит более загадочной. Известно, что впервые эти названия в советских официальных документах прозвучали в приказах Верховного Главнокомандующего войскам Ленинградского фронта № 63 и № 64 от 24 и 26 января 1944 г. соответственно. Текст первого из них заслуживает того, чтобы привести его полностью:

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Генералу армии Говорову

Войска Ленинградского фронта, продолжая успешное наступление, сегодня, 24 января, в результате умелого обходного маневра и стремительной атаки с фронта овладели городом Пушкин (Царское Село) и городом Павловск (Слуцк) — крупными железнодорожными узлами и мощными опорными пунктами обороны немцев.

В боях за овладение городами Пушкин и Павловск отличились войска генерал-полковника Масленникова, генерал-майора Хазова, генерал-майора Бунькова, генерал-майора Ястребова, полковника Введенского, артиллеристы генерал-майора артиллерии Михалкина, полковника Масловского и танкисты подполковника Грзделишвили.

В ознаменование одержанной победы наиболее отличившиеся в боях соединения и части представить к присвоению наименований «Пушкинских» и «Павловских» и к награждению орденами.

Сегодня, 24 января, в 21 час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, овладевшим городами Пушкин и Павловск, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в боях за освобождение городов Пушкин и Павловск.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. СТАЛИН

24 января 1944 года, № 63⁵

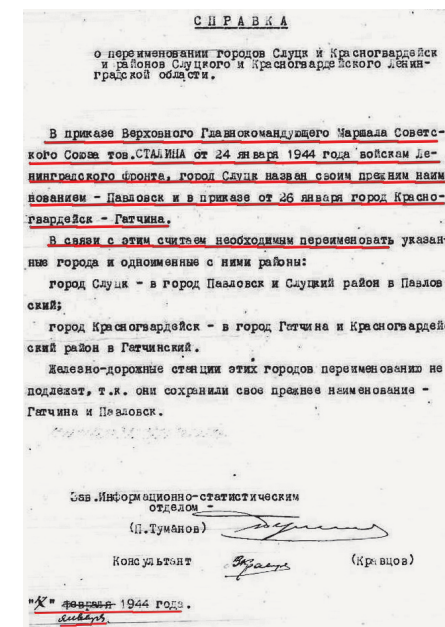
⁵ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1975. С. 106–107.

Приказ № 64 от 26 января 1944 г. аналогичен приведённому: в нем «советское» название Гатчины тоже упоминается лишь один раз — в первом абзаце, в скобках; в приказе также предписывается представить отличившиеся при освобождении города части и соединения к присвоению почётных наименований (Гатчинских). Такая форма одновременного упоминания двух названий говорит о том, что о какой-либо оговорке не может быть и речи. Сталин совершенно сознательно вернул двум городам Ленинградской области их старинные имена, полагая в том числе, что в качестве почётных наименований воинских частей они будут вдохновлять бойцов и командиров на борьбу с врагом лучше, чем «советские»! Символично также упоминание *Царского Села* в скобках наряду с названием *Пушкина*: вернуть такое название с присвоением соответствующих наименований частям было

бы слишком даже для 1944 г., но указано ведь именно оно, а не непосредственно предшествовавшее Пушкину *Детское Село* (город носил это название в 1918–1937 гг.)! В итоге 19 соединений и частей были присвоены наименования Гатчинских, 5 — Павловских и 8 — Пушкинских.

Выше было отмечено, что названия *Гатчина* и *Павловск* в 1944 г. впервые прозвучали в приказах Верховного Главнокомандующего. Но ведь города в Советском Союзе переименовывались Указами Президиума Верховного Совета СССР, и такой Указ от 23 января 1944 г. «О переименовании городов Слуцка и Красногвардейска и районов Слуцкого и Красногвардейского Ленинградской области» (как в нём сказано, «по просьбе ленинградских организаций») имеется. Свет на историю этих возвращений проливает обнаруженная автором в Государственном архиве Российской

Федерации справка к вышеупомянутому Указу из аппарата Президиума Верховного Совета с обоснованием необходимости переименования.

Сразу обращает на себя внимание датировка справки: сначала на машинке отпечатано «февраля», затем месяц зачеркнут и переправлен на «января». Число, по всей видимости «17», вписано от руки. В этом не было бы ничего удивительного, в документах самого разного уровня бывали и не такие исправления. Удивляет текст справки:

«В приказе Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза тов. Сталина от 24 января 1944 года войскам Ленинградского фронта город Слуцк назван своим прежним наименованием — Павловск и в приказе от 26 января город Красногвардейск — Гатчина. В связи с этим считаем необходимым переименовать указанные города и одноименные с ними районы...»⁶.

Если отбросить гипотезу о том, что работники аппарата Президиума ВС владели тайной перемещения во времени, как объяснить тот факт, что в справке от 17 января указано содержание приказов Сталина от 24 и 26 января, да ещё и в прошедшем времени? Единственное объяснение состоит в том, что справка на самом деле готовилась в феврале 1944 г., в феврале же фактически был подписан и Указ Президиума Верховного Совета, а Сталин в своих приказах обошёлся без лишних формальностей. Никакого упоминания «просьбы ленинградских организаций» в справке нет, равно как не удалось обнаружить такую просьбу и в архивах. Единственным основанием для издания соответствующего Указа высшего органа «представительной власти» была воля

единоличного правителя страны... Но чтобы избежать хотя бы официального анахронизма и соблюсти формальную юридическую последовательность документов, Указ пришлось датировать «задним числом» — 23 января 1944 г. В справке же февраль просто переправили на январь, не задумываясь о фактическом её содержании. Кстати, в печати Указ появился только 24 февраля 1944 г., что вполне согласуется с изложенной версией. Но при наличии широко известных и опубликованных приказов Верховного такая мелочь никого не могла смутить, и уже 10 февраля 1944 г. вышел первый после освобождения номер газеты «Гатчинская правда» (до 1941 г., разумеется, это была «Красногвардейская правда»), в котором поэт Александр Прокофьев в стихах поздравлял «героев Гатчины».

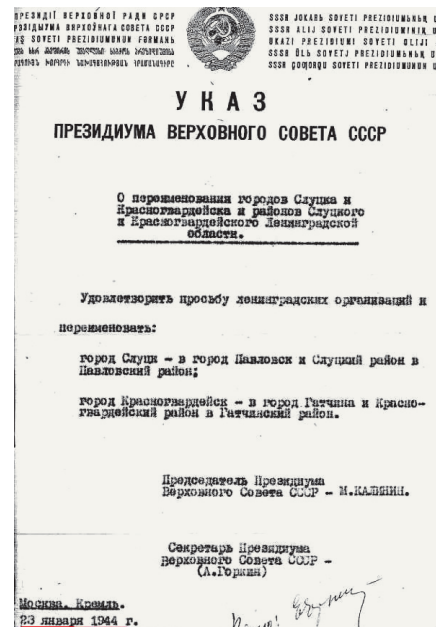
Впрочем, промашки советской бюрократии не отменяют искренней радости по поводу состоявшихся возвращений. Пусть даже из прагматических соображений, но в час смертельной опасности мертвящие топонимические шаблоны советской идеологии не устояли перед обаянием и силой живых исторических названий. К сожалению, топонимическая политика советской власти вернулась на круги своя, когда существованию государства уже не угрожала опасность.

Выводы

Основной вывод из приведённых размышлений состоит в том, что для сплочения народа, для подъёма его на борьбу с захватчиками советскому руководству пришлось отойти от чисто «советского» патриотизма, обратиться к глубинным, историческим корням народ-

ного сознания, пойти на послабления в антирелигиозной политике. Важнейшими для понимания истинной роли исторической топонимии в национальной культуре являются факты возрождения исторических названий в период сложнейших испытаний, выпавших на долю нашей страны в Великой Отечественной войне, когда части и соединения с гордостью носили на своих знаменах возвращенные исторические названия городов, когда ленинградцы воспринимали возвращение Невского, Литейного, Дворцовой как награду за чудовищные страдания блокады. Отдельный урок возвращений 1944 г. для современного восприятия топонимии состоит также и в том, что далеко не всегда замена названия означает развенчание и унижение предыдущего имени.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-7523. Оп. 15. Д. 111. Л. 1-3.

А. Б. Рыжков

НЕВСКИЙ ПРОСПЕКТ, АПРАКСИН ПЕРЕУЛОК... УЛИЦА САДОВАЯ?

Петербургские топонимы, вынесенные в заглавие заметки, объединяет не только их почтенный возраст и историческая ценность, но и форма названий, возникших и закрепившихся в виде согласованных определений. Именно поэтому Реестр названий объектов городской среды Санкт-Петербурга устанавливает для них нормативную последовательность написания «основная часть — статусная часть» и требует склонять такие названия полностью, в отличие от названий, содержащих основную часть в форме родительного падежа.

Это требование основано на действующих ныне Правилах русской орфографии и пунктуации 1956 года. В примерах написания различных названий, которые содержатся в параграфе 100 упомянутых Правил, значатся *Моховая улица, улица Горького, шоссе Энтузиастов, Комсомольская площадь, площадь Восстания*.

Так что, конечно, нужно писать «*Садовая улица*», а написание в заголовке не зря дано с вопросительным знаком. Вопрос заключается в следующем: почему многие люди пишут слово «улица» перед основной частью названия в форме прилагательного, но при этом никогда не напишут «*проспект Невский*»?

Иллюстрацией этого наблюдения могут служить многочисленные рекламные объявления, которые содержат адреса нескольких торговых точек. Увы, лишь немногие рекламодатели склонны аккуратно расставлять статусные части адреса на правильные места. Намного чаще можно увидеть неграмотную, но не лишённую определенной логики «унификацию» написания по принципу «*улица Ленина, проспект Дачный, переулок Волынский*» или «*Савушкина улица, Торфяная дорога, Гаккелев-*

ская улица». Но абсолютное большинство, даже правильно написав «*Ленинский проспект, проспект Стачек*», добавит к ним «*улица Варшавская*», а не «*Варшавская улица*». Почему так происходит?

Если говорить о географических названиях, а не об «уличных» топонимах, то здесь однозначность в правилах отсутствует, а действует скорее традиция: правильным будет и написание «*Васильевский остров*» (в Петербурге), «*Уральские горы*», и «*гора Народная*» (на Урале), «*остров Русский*» (в заливе Петра Великого), «*остров Белый*» (в устье Большой Невы). В Петербурге и окрестностях можно найти несколько Чёрных речек, но есть (и не одна!) река Чёрная! Есть, впрочем, одна тонкость: названия географических объектов гораздо более обособлены от «видовых» слов, чем «имена собственные» городских проездов. На больших картах опускаются слова «город, село, деревня, река» и т. п., но невозможно представить себе официальную карту города любого масштаба с надписями «Литейный, Мучной, Воскресенская». Дело в том, что «статусная часть» городского топонима на самом деле не играет роль «видового» слова, а представляет собой

«неявную» часть названия! Если мы посмотрим на топографический план, то с легкостью отличим гору от реки, даже если их названия не подписаны. Но глядя на «пустую» карту города, никогда нельзя с уверенностью сказать, где на ней точно «проявится» улица, где проспект, а где переулок! Поэтому опустить «статусные» части названий в городской картографии не получится, хотя они частенько опускаются в разговорной речи. Де-факто улица, переулок, проспект и другие подобные «статусные части» совсем не обязательно отражают истинный статус проезда. Есть у нас и «бульвары» без единого деревца, и безводные «каналы», а скоро на западе Васильевского острова оформится и первая сухопутная «набережная».

Оказывается, в русском языке отсутствует отдельное слово для того, что на канцелярско-юридическом жаргоне называется «объект улично-дорожной сети». Иногда такие объекты обобщаются словом «проезд», но ещё чаще для той же цели используется как раз «улица». В стандартном адресном штампе паспорта вы обязательно увидите сокращение «ул.», хотя бы за ним и следовал конкретный «*проспект Славы*!» Учитывая прямо-таки сакральную роль паспорта для нескольких поколений наших людей, можно предположить, что стремление ставить слово «улица» впереди названия происходит во многом от созерцания странички с пропиской. А вот набережные, бульвары, шоссе и т. д. от такого подхода в целом свободны, хотя могучая сила канцелярита толкает граждан и на создание конструкций типа «*улица 1-й проезд*», «*улица Малая Каштановая аллея*» или даже «*улица Леншоссе*». В последнем случае проявилась ещё и любовь к чудовищным сокращениям,

также свойственная канцелярскому языку. Но даже люди, неподвластные «паспортной магии», инстинктивно ставят «улицу» перед «*Садовой*» по примеру «видового» слова в названии географического объекта.

Возможно, закрепление такой практики во второй половине XX века во многом схоже со стихийным распространением отказа от склонения русских названий на *-ово, -ево, -ино, -ыно*. Считается, что эта традиция зародилась в годы Великой Отечественной войны под влиянием информационных сводок, в которых населенные пункты среднего рода не склонялись во избежание путаницы. Люди старшего поколения ещё писали «мы под Колпином скопом стоим», а те, кто вырос на военных сводках, закрепили в быту традицию «несклонения». За несколько десятилетий она распространилась настолько широко, что уже и официально признается допустимой (но не в строгой литературной речи), ну а некоторых принципиальных журналистов, склоняющих то же Колпино по старинке (и в строгом соответствии с правилами!), в Интернете частенько клеймят как безграмотных...

И совершенно аналогичные битвы гремят на электронных просторах, когда что-то случается на Замшиной улице. Ее название принадлежит к немногочисленным сохранившимся в Петербурге именам улиц в форме краткого прилагательного, совпадающей с формой существительного. В современном городе они практически растворились в огромной массе «уличных» топонимов, данных «в честь», и догадаться, что такие названия вообще-то склоняются, можно только по порядку написания: в названии «*улица Ленина*» склоняется только «улица», а название «*Замшина*

улица» склоняется целиком. Но именно против такого порядка написания встают наши сограждане, привыкшие видеть слово «улица» впереди названия. А ни в чём не повинные журналисты, сообщающие о происшествии на Замшиной улице, а не на улице Замшина, педантично руководствуясь требованиями Реестра городских названий, выслушивают обвинения в неграмотности. Что характерно, склонение того же Апраксина переулка или Уткина проспекта воспринимается как должное, хотя грамматическая форма названий «Уткин проспект» и «Замшина улица» совершенно одинакова! Можно вспомнить и то, что в нашем городе есть несколько топонимов в подобной форме, происходящих вообще не от фамилий. Так, название *Карташихиной улицы* ведётся от слова «Карташиха» — уличного прозвища домовладелицы Карташёвой, поэтому форма *улица Карташихина* неверна в принципе. То же относится и к *Рюхиной улице* (от слова «рюха» — снаряд для игры в городки), и к *Репищевой* (от слова «репище» — поле, засеянное репой).

Безусловно, живой язык не стоит на месте, он развивается и меняется. Од-

нако специалисты вовсе не склонны безусловно принимать даже самые распространенные отступления от зафиксированных норм. Многие миллионы наших сограждан говорят «ты мне повзбонишь», стала повальным явлением и путаница на письме между *-тся* и *-ться* в глаголах. Но «популярность» той или иной ошибки не дает ей безусловно права претендовать на то, чтобы стать признанной нормой. Думается, что применительно к проблеме написания городских названий не следует приветствовать повальное засорение речи «канцеляризмами».

Практический вывод из всего этого состоит в следующем. Чтобы граждане могли правильно употреблять названия городских объектов, нужно прежде всего соблюдать корректный порядок их написания во всех официальных источниках информации, и в первую очередь — на городских средствах ориентирования: адресных знаках, названиях остановок, дорожных и туристических указателях, в картографической продукции. Такой порядок, напомним, установлен в Реестре названий объектов городской среды Санкт-Петербурга.

ФОТОХРОНИКИ НЕСОСТОЯВШИХСЯ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

Издательство «Аврора-дизайн» и Историко-культурный центр Карельского перешейка выпустили серию альбомов, значительно расширяющих наши знания об истории битвы за Ленинград 1941–1944 гг.

Б. Иринчеев, Д. Жуков. На Ленинград. Наступление группы армий «Север» 1941 года. СПб., 2011

Б. Иринчеев, Д. Жуков. Гибель дворцов. Нацистская оккупация Ленинградской области в 1941–1944 годах. СПб., 2011

Д. Жуков, С. Ларенков, Б. Иринчеев. Битва за Ленинград. Мы погибли, чтобы жили вы. СПб., 2015.

Многие километры документальной хроники, снятые фронтовыми кинооператорами, сохранили для будущих поколений память о трагедии и триумфе великого города. Но фотография — искусство совершенно иного свойства. Мгновение, навечно застывшее после того, как сработал затвор фотоаппарата, способно оказывать на зрителя не меньшее, а зачастую даже значительно большее эмоциональное воздействие, чем непрерывно движущиеся по экрану силуэты. И в данном случае особенно важно то, что фотолетопись представляемых альбомов исходит по большей части с противоположной воевавшей стороны, свидетельств которой нашей отечественной историографии всегда очень недоставало.

В трех альбомах — фактически они представляют собой единое целое — всего 425 фотографий, никогда ранее не публиковавшихся или малоизвестных.

В первых двух выпусках представлены снимки, находящиеся в личных коллекциях Дениса Жукова и Баира Иринчеева, в третьем — из их же собраний, а также Центрального архива кинофотодокументов Санкт-Петербурга, Российского

государственного архива кинофотодокументов и Фотоцентра оборонительных сил Финляндии. Сопроводительный текст (на русском и английском языках) минимален — только подписи и (во втором выпуске) несколько выразительных цитат из свидетельских показаний, данных на Нюрнбергском процессе директором Государственного Эрмитажа академиком И. А. Орбели.

В альбомах воспроизведены преимущественно любительские снимки, без прикрас отразившие подлинные мгновения фронтовой и оккупационной «рутины», выхваченные случайно, порой даже не в фокусе — оттого и гораздо более ценные, чем постановочные кадры, сделанные профессиональными репортерами для иллюстрирования официальной хроники.

Фотографии первого альбома («На Ленинград») охватывают период с 10 июля по 30 сентября 1941 г., то есть нескольких месяцев Ленинградской оборонительной операции. Они отражают события, происходившие главным образом на направлениях наступления немецких 4-й танковой группы и восточной группировки 18-й армии группы армий

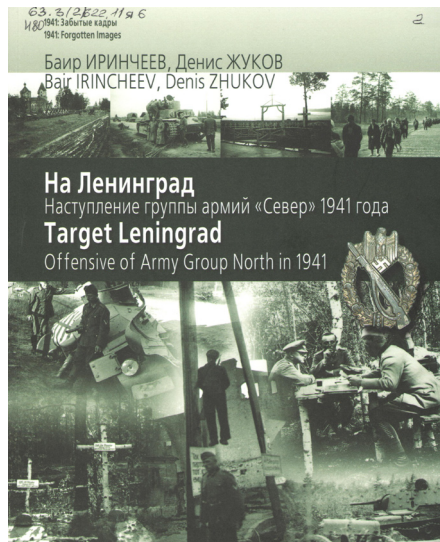
«Север» — от Пскова до пригородов Ленинграда.

В начале июля привычный маховик блицкрига ещё на полном ходу, и даже можно сказать, что первые изображения выглядят в известной степени буднично. Вот, например, в цеху какого-то захваченного завода ремонтируется бронетехника, а вот в сопровождении армейских велосипедистов неторопливо движется пехотный обоз... Впечатляет извечное российское бездорожье, по которому пока ещё бодро тарыхтят мотоциклы и для сбережения ресурса продвигаются тягачи с немецкими танками.

Но война есть война — на фотографиях мы наблюдаем и сокрушительный удар немецких бомбардировщиков по незащищенным советским позициям, и взорванные мосты, и советских солдат, погибших в противотанковом рву в районе Кингисеппа — скорее всего, даже не солдат, а ополченцев, которые *«чуть ли не впервые надели сапоги, увидели онучи. Но это была все же грозная сила. Они остановили немца под Ленинградом. Они выстлали своими телами дороги на подступах Ленинграда. Телами, человечинной, на которых забуксовали немецкие танки»* (Федор Абрамов. Черновая запись к рассказу «Белая лошадь». 21 апреля 1975 г.).

Покорившая всю Европу безотказная и беспощадная немецкая военная машина дала сбой, когда от Берлина уже было пройдено около полутора тысяч километров, а до Ленинграда считалось всего несколько десятков, — и окончательно остановилась, когда оставалось всего-то около десяти. И вот уже на фотографиях «железные» кресты всё больше заменяются на берёзовые.

Подлинная трагедия состояла в том, что фронт под Ленинградом стабилизировался после того, как было захва-

чено ожерелье всемирно известных пригородных дворцово-парковых ансамблей Петергофа, Пушкина, Павловска, Гатчины.

Фотографии второго альбома («Гибель дворцов») — реквием по выдающимся памятникам русской культуры, запечатлённый оккупантами на плёнке. Первоначально, несомненно, и сами очарованные красотой загородных императорских резиденций, немецкие солдаты и офицеры стали свидетелями последнего периода их исторической жизни и гибели.

Пылающий Корпус под гербом Большого Петергофского дворца, заснеженные обгорелые фасады Большого Екатерининского дворца в Пушкине, полуразрушенные павильоны Павловского парка... Взамен — гатчинский Коннетабль, превращённый в злоеший «шедевр» фашистской монументальной пропаганды, и опять же берёзовые кресты немецких военных кладбищ, которых на подступах к Ленинграду становится всё больше и больше.

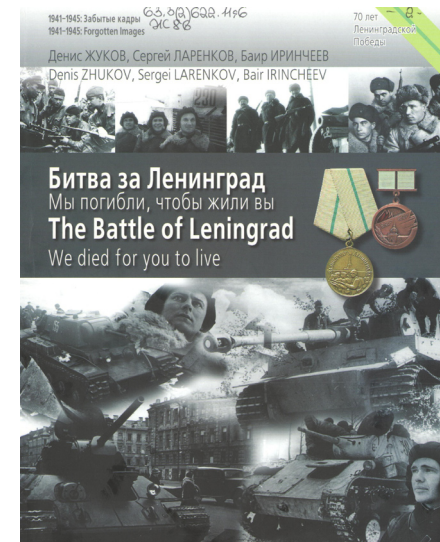

Рядом помещены почти обыденные фотографии улыбающихся «фрицев» среди хорошо узнаваемых парковых пейзажей. Катание на лыжах в солнечный день у почти не повреждённого внешне Приората — какая идиллическая картинка! Под стать ей и «дружеский вечер» в петергофских Готических императорских конюшнях, и групповое фото на память на фоне выбитых окон и дверей Гатчинского дворца.

Пройдут десятилетия — благодаря удивительному искусству советских специалистов восстанут из пепла дворцы и парки. Поэтому, по словам составителей, этот альбом — ещё и *«благодарность сотрудникам музеев Петергофа, Пушкина, Павловска и Гатчины, которые сумели сохранить для всего мира большую часть довоенных культурных ценностей. Этот альбом — благодарность реставраторам, возродившим для всего мира красоту дворцов в пригородах Санкт-Петербурга»*.

Этот альбом — напоминание о том, что такое война.

Напоминание для всего мира».

Показана в альбоме и такая сторона войны, как повседневное существование той части местного населения, которая не по своей воле оказалась в оккупации, причём буквально в паре километров от линии фронта. Фактически этих людей бросили на произвол судьбы при советском отступлении, и почти три года они вынуждены были выживать, как могли.

Пронзительные фотографии! Вот женщина с ребенком на руках бредёт по разрушенной Советской (ныне Соборной) улице в Гатчине спустя всего два дня после занятия города немецкими войсками. Есть и другие снимки — одетые Бог знает во что, обмотанные каким-то тряпьем люди толпятся на убогих стихийных рынках в Павловске и Гатчине. А вот под присмотром полицаяв (набранных также из местных жителей), выстроившись в длинную цепочку от Большого пруда, жители Пушкина пытаются тушить пожар Большого Екатерининского дворца... Впоследствии, после освобождения, как известно, дело

повернули так, что сумевшие пережить оккупацию люди были объявлены ещё и виновными в этом перед советским государством!

Третий альбом («Битва за Ленинград») — наиболее объёмный. Здесь представлены свидетельства со стороны обоих противников.

Как будто воочию встаёт перед нами трагедия Петергофского десанта — операции, совершенную бессмысленность, а значит, и явную преступность которой в октябре 1941 г. советское командование не могло не осознавать. Заново переживать напряжение событий 70-летней давности заставляют неизвестные ранее фотографии разбитых танков в Петергофе и в посёлке Ленина, снимки Невского пятачка и хаоса на болоте, обнажившемся весной 1942 г. на месте зимних боёв под Погостьем.

При показе повседневной жизни блокадного города, расстояния до основных опорных точек которого артиллеристы противника обозначали на своей панораме всего лишь в тысячах метров, впечатляет сочетание фотографий. Несомненно, что этот приём несёт определённую идейную нагрузку, но в целом он не портит замысел составителей альбомов.

С одной стороны, мы имеем возможность наблюдать немцев, деловито разгружающих снаряды тяжёлой осадной артиллерии, разглядывающих Ленинград с Кирхгофской горы, весело встречающих Рождество... Совсем не похоже, чтобы они чувствовали себя хоть сколь-нибудь виноватыми — просто привычно занимаются положенной им «работой» завоевателей на земле, куда их никто не звал и где их никто не ждал.

О результатах этой «работы» свидетельствует советская сторона — разрушения Кировского (Мариинского) театра и Музея А. В. Суворова, разбитые

дымящиеся жилые дома, которые некогда и нечем тушить, трамваи, застывшие на занесённых снегом рельсах... Но одновременно — концерт в Филармонии, и уличная продажа книг, и женщины, ремонтирующие танки в цехах Кировского завода, оказавшегося почти на передовой. (Справедливости ради отметим, что среди советских фотографий в альбоме все же имеются достаточно хорошо известные.)

Вполне логично картину «нашествия» венчают снимки разбитой немецкой военной техники и вид дивизионного кладбища в Чудово с березовыми крестами, в буквальном смысле уходящими за горизонт. Есть в альбоме и фотография немецкого солдатского воинского кладбища в Сологубовке, снятая в октябре 1942 г., — ныне оно восстановлено как сборное. Это кладбище стало крупнейшим по числу покоящихся на нём последних неудавшихся завоевателей «жизненного пространства» на Востоке — местом памяти погибших и предостережения для живых.

И вот уже, как бы возвращаясь к началу, в сентябрь 1941 г., — дорожные указатели начинают обратный отсчёт: всё больше становится расстояние от Ленинграда, и всё ближе Берлин. Завершается альбом редкими фотографиями ленинградского парада Победы и праздничного салюта 11 июля 1945 г.

Сегодня, когда живых свидетелей Второй мировой войны остаётся совсем немного, опубликованные в этих трех альбомах снимки снова и снова заставляют пристально взглянуть в эту огромную трагедию, о которой до сих пор невозможно говорить беспристрастно и отстранённо.

Всё это нужно обязательно видеть, об этом никогда не следует забывать.

Г. М.

I

На пороге 200-летия начала осушения болот вокруг Санкт-Петербурга <...> особое внимание заслуживает посёлок Шушары, бурно растущий на территории бывшего доисторического послеледникового озера 10–12-тысячелетней давности и сменявшего его 2500 лет назад Шушарского болота. Некоронованная столица всех осушенных земель, «внутригородское муниципальное образование посёлок Шушары» достигнет размеров среднего города со 100-тысячным населением.

Урбанизация неминуемо навеки похоронит древнюю историю этого болотного края, память о роли болот в становлении духовной культуры человечества в форме древнейшей религии «Союза Земли и Воды» — что, собственно говоря, болото и воплощает. Спустя десятки тысяч лет, в наши дни, живым носителем памяти об этой религии является название Шушар/Суосаари, состоящее из тех же двух слов. Объектом поклонения в религии являлись обожествлённые болота, которым приносились ритуальные человеческие жертвы, известные нам со времён от древней Ирландии до средневековой Москвы (именно так расценивается подоплёка казни Степана Разина в 1671 г. на *Болотной* площади).

Рывок в развитии материальной культуры, общества в железном веке немислим без болотного железа. Болота, связывая атмосферный углерод, спасают, или пока спасали, землю от отрицательных последствий парникового эффекта. Болотам свойственна роль регулятора стока речной, питьевой воды, регулятора климата. В болотах сосредоточено наше прошлое, настоящее и будущее. Причём будущее наступит только в том случае, если древнейшая религия будет возрождена в форме чётко узаконенного равноправного Союза Земли, Воды и Людей, то есть в форме экологии болот <...>

Содействовать достижению подобной цели мог бы потрясающий по своей точности и выразительности, направленности из прошлого в будущее, подбор названий улиц в строящемся посёлке, в союзе с популяризаторской работой местной прессы и музея природоведения и болот в Шушарах, условия для создания которого там, к счастью, имеются (в виде заброшенных зданий, сооружений, не нашедших иного применения, помощи специалистов и т. д.).

При наличии доброй воли сеть новых улиц может быть превращена в музей, в открытую книгу говорящих за себя названий, несущих и сохраняющих сведения о естественной и общей истории края; болотах; учёных-первопроходцах, их исследовавших; писателях, запечатлевших образы природы и болот в литературе; прекрасных людей, которые жили и трудились ради нашего здоровья и благополучия.

II

Предлагаю название для нового, строящегося стадиона на Крестовском острове.

Наш город, носящий имя святого Петра, один из самых европейских городов России и, именно этим, мы потомки, обязаны Петру I (Великому). Всем известно какое значение ассамблеям придавал Пётр <...>

С. С. Комисаренко «Ассамблеи петровского времени» <...>

«В отечественной историографии термин «ассамблея» применяется в широком значении и иногда используется вообще для обозначения петровских празднеств».

Арена будет универсальным дворцом спорта, культуры и отдыха, что позволяет её размеры, технические возможности. Вот где будет воплощена идея собирания для увеселения: «Празднуя с нами Вы будете навеки вместе» — звучит как девиз, призыв!

По моему, как отлично подходит название «Ассамблей Арена» для нашего города и новой арены.

Возможные сочетания названия:

Ассамблей Арена (Арена Ассамблей)

Ассамблей Арена-Зенит (Зенит-Арена Ассамблей)

Поиском (по Интернету) такого же названия арен мною не найдено.

III

Господа! У нас один Карл Маркс да Фридрих Энгельс!

Холодно ходить по городу. Духовно холодно. Эта эпоха в жизни нашей страны давно прошла. Назовём хотя бы одну улицу именем Сергия Радонежского или Серафима Саровского, Серафима Вырицкого, святых царственных страстотерпцев, императора Николая, императрицы Александры, Великих княжён Ольги, Марии, Татьяны, Анатасии, новомучеников и исповедников Российских, Саввы Освящённого, Иоанна Дамаскина, Максима Грека, Ксении Петербургской, Максима Исповедника, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Богослова... конец бесконечен. Игнатия Брянчанинова, апостолов Петра и Павла. Или вообще, например, улица всех святых. Хотелось бы жить на такой улице? Их покровительство ощущать? Ведь они обязательно возьмут под покровительство всех людей, которые живут на этой улице. Даже отъявленных грешников. Впрочем, как их возьмёшь? — Они постоянно из-под этого покровительства выворачиваются.

IV

Площадь Пролетарской Диктатуры и одноимённая ей улица имеют в своих наименованиях признаки распространения информации, являющейся публичной агитацией и пропагандой идеологии и способов её установления, признанных несовместимыми с идеей права и справедливости согласно <...> положениям <...> Закона <...> «О реабилитации жертв политических репрессий» <...>

Являясь отцом троих несовершеннолетних детей я регулярно сталкиваюсь с проблемами, возникающими с получением детьми информации, содержащей противоречия в правовой оценке противоправных действий <...>

«Исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями» (преамбула Конституции РФ) вопрос обеспечения государственных гарантий защиты детей от получения ими информации, содержащей пропаганду социальной и классовой розни, вражды и нетерпимости, должен быть решён в соответствии с действующим законодательством.

На основании изложенного прошу принять решение об изменении наименования площадь Пролетарской Диктатуры и одноимённой ей улицы.

V

Открытое голосование по вопросу о самом подходящем названии для сквера на ул. Ушинского, 16:

- им. Фёдора Тютчева — 9,2%;
- им. Василия Ключевского — 3,7%;
- им. Константина Ушинского — 37,3%;
- им. Бориса Модзалевского — 1%;
- «Краснодеревский» — 5,9%;
- «Юный Буратино» — 8,6%;
- Лицейский — 16,5%;
- Посмотреть результаты — 17,8%.

Андрейчева Вера Фёдоровна

Окончила Ленинградский политехнический институт имени М. И. Калинина (ныне Санкт-Петербургский государственный политехнический университет). Член Русского генеалогического общества. Краевед, автор публикаций по истории Невского района Санкт-Петербурга, в том числе книг «Александровское, Мурзинка, Фарфоровый завод: Забытое об известном» (СПб., 2012) и «Малая Рыбная слобода, Уткина Заводь, Ключки и Киновия» (СПб., 2015).

Владимирович Алексей Георгиевич

Краевед. Автор многочисленных публикаций по истории и топонимике Санкт-Петербурга, один из авторов книги «Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика» (1997), один из разработчиков и составителей «Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга» — первого оригинального документа подобного рода в истории города. Как один из авторов и титульный редактор «Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2002) удостоен Анциферовской премии 2003 г. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 1991 г.

Мартынов Геннадий Георгиевич

Окончил Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской (ныне Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств). Библиограф, историк литературы, журналист. Лауреат премий Ленинградской областной избирательной комиссии 2011 г. и Центральной избирательной комиссии РФ 2012 г. Победитель первого киришского открытого городского краеведческого конкурса «Наследники бестужевских традиций» в номинации «Лучшая публикация о Киришах в областной прессе» 2012 г. Дипломант литературного конкурса «Неизвестный Петербург» 2013 г. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Петров Даниил Викторович

Окончил Санкт-Петербургский государственный университет. Кандидат юридических наук, магистр Университета Манчестера. Работал начальником арбитражного отдела КУГИ Санкт-Петербурга, начальником отдела государственной политики Адвокатского бюро «ЕПАМ», начальником Департамента управления имуществом ОАО «РЖД». Общественная работа — в поисковом отряде «Орёл» (Тверская область). Вице-президент Фонда поддержки исторических традиций «Возвращение». Автор двух монографий и более 30 статей на правовые и исторические темы.

Ратников Дмитрий Сергеевич

Журналист, краевед. Редактор интернет-газеты «Канонер» (бывшая «Карповка»), автор статей по истории названий Липецкой области в «Новом топонимическом журнале», постоянный автор статей «Википедии», посвященных Липецкой области и улицам Санкт-Петербурга и его пригородов.

Рыжков Андрей Борисович

Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию авиакосмического приборостроения (ранее Ленинградский институт авиакосмического приборостроения). Краевед, принимает активное участие в совершенствовании Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга, автор ряда публикаций в СМИ на топонимические темы. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2008 г. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Сизёнов Евгений Петрович

Родился и живёт в Колпине. В 1994 г. окончил Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Работал экономистом на промышленных предприятиях. С 2003 г. — заместитель генерального директора лакокрасочного завода «Кронос СПб». Автор нескольких книг, в том числе «История Колпина» (2007, в соавторстве), «Топонимика исторического центра Колпина» (2009, в соавторстве), «Колпино в стихах и песнях» (2011, в соавторстве), а также публикаций в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (рубрика «Наследие»). Автор (совместно с Р. С. Иволгой) раздела «Колпинский район» в «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Шмелёва Татьяна Викторовна

Лингвист, доктор филологических наук, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Темой языка города занималась с начала 1980-х гг. в Красноярске, затем в Великом Новгороде. Занималась языком города со студентами, руководила дипломными работами и диссертациями. Статьи по городской ономастике опубликованы в научных журналах. Член Топонимической комиссии Великого Новгорода в 2003–2013 гг. Выступает по актуальным вопросам в новгородской прессе, на телевидении и радио.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление	1
<i>Петербург</i>	
<i>В. Ф. Андрейчева. Троицкое поле</i>	2
<i>А. Г. Владимирович. Статусные части топонимов Санкт-Петербурга</i>	11
<i>Д. С. Ратников. Странные и смешные топонимы Санкт-Петербурга</i>	22
<i>Пригороды и окрестности</i>	
<i>Г. Г. Мартынов, Е. П. Сизёнов. Вдоль верхнего течения реки Мги</i>	27
<i>Россия. Города и веси</i>	
<i>Т. В. Шмелева. Культурная практика увековечения и ономастикон Великого Новгорода</i>	38
<i>Топонимия Великой Победы</i>	
<i>Д. В. Петров. Обращение к историческим ценностям как фактор Победы в Великой Отечественной войне (на примере возвращения названий Гатчины и Павловска в 1944 г.)</i>	45
<i>Мнения. Суждения. Идеи</i>	
<i>А. Б. Рыжков. Невский проспект, Апраксин переулочок... Улица Садовая?</i>	52
<i>Книжный компас</i>	
<i>Фотохроники несостоявшихся завоевателей</i>	55
<i>Из писем в Топонимическую комиссию</i>	59
<i>Сведения об авторах</i>	62

Издание подготовлено СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ»
при поддержке Комитета по культуре Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 8
Тел.: +7(812)764-75-96, тел./факс: +7(812)570-40-45
Email: info@spbicp.ru. Сайт: www.spbicp.ru

Состав редакционной комиссии: Кизилова И. Н., Зонин А. С., Басов С. А., Хацкевич Е. П.
Главный редактор: Скрелин П. А.
Ответственные редакторы:
Владимирович А. Г., Рыжков А. Б.
Дизайн, верстка: Тропин А. Ю.
Оригинал-макет и печать: «Профи-Центр»

Полное или частичное воспроизведение издания запрещено
без письменного разрешения СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ»